

37:92

М-42

АКАД. Е. Н. МЕДЫНСКИЙ

А. С. МАКАРЕНКО

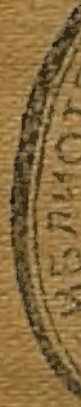

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

CHESBROUGH

143729

37:92

1042

АКАД. Е. Н. МЕДЫНСКИЙ

А. С. МАКАРЕНКО

ЖИЗНЬ,
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА

143729

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКОМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1944

✓

01179239 Б-ка АП РФ

С
Ц
Х
О
Р
В
М

С
В

П
В
Ж
М
Я
В
«
Л
Л

С
Э
В
Н
Н
6
Г

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советская страна за очень короткий исторический срок — 26 лет — достигла невиданных результатов. Расцвет во всех областях советской науки, техники, искусств, хозяйственной жизни признан сейчас всем миром и неопровержимо утверждён славой наших воинских знамен. Руководимый светлым гением Сталина, вооруженный и воспитанный им, советский народ крушит фашистских громил, еще недавно мнивших себя завоевателями Европы.

Победа над фашизмом — это победа советского строя, советского единства и огромное достижение и победа советской воспитательной системы.

А. С. Макаренко в своем творчестве постоянно возвращался к теме о действенности советского воспитания. В декабре 1937 года он пишет: «Воспитание нового гражданина происходит у нас везде. Трудно назвать такое место, такой общественный процесс, такое общественное явление, где не происходило бы становление нового человека». В 1938 году он так формулирует эту же мысль: «У нас колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а следовательно, и замечательных людей».

Какие же результаты дает советская воспитательная система? В июне 1937 года Антон Семенович отвечает на этот вопрос так, как будто это написано сегодня: «И, если вспыхнет война, наш гражданин — гражданин мира, свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в мире». В том же году в «Книге для родителей» Макаренко так говорит о

результатах советского воспитания: «Да, у нас есть Герои Советского Союза, но, посылая их на подвиг, наше правительство не устраивало им особого экзамена. Оно выбирало их из общей массы граждан. Завтра оно пошлет на подвиг миллионы людей и не будет сомневаться, что эти миллионы обнаружат такую же нравственную высоту».

Дальновидность Макаренко, его умение видеть и понимать жизнь определяют его значение и место: как педагог, писатель, мыслитель и деятель он является одним из наиболее ярких представителей и выразителей огромных достижений русской, советской педагогики. Макаренко ищет и находит законы и закономерности системы коммунистического воспитания нового человека — члена советского общества, где нет эксплуатации, то есть общества принципиально нового. Создавая научный метод исследования педагогических явлений, Макаренко доказывает, что советская педагогика — не привилегированное искусство избранных педагогических талантов, а точная наука, всесильная потому, что это марксистская материалистическая наука. А наукой может овладеть каждый, кто изучит ее, а затем будет честно трудиться и станет мастером своего дела.

Деятельность Макаренко является талантливым и ярким выражением исканий, надежд, сомнений, достижений и торжества лучшей, передовой части педагогов нашей страны. И в этой народности Макаренко — убедительность того, что он сделал. Его ценят и понимают советские люди, родители, к которым он обращался не раз, и особенно педагоги.

Вот выдержки из нескольких писем, полученных Научно-исследовательской лабораторией А. С. Макаренко в августе 1944 года.

Московский педагог тов. Игольников Л. И. пишет: «Недавно вернулся и получил возможность заниматься любимым делом — воспитанием и обучением ребят... Сейчас работаю директором средней школы. Всегда был поборником идей Антона Семеновича. Под его влиянием сформировались и определились мои педагогические взгляды».

А вот отрывок из письма известного ленинградского педагога, талантливого молодого ученого, сейчас майора Красной Армии тов. Лялина Н. А.: «Судьбе угодно было провести меня по многим и многоверстным военным дорогам. И ничего я не взял с собой из моего ленинградского дома. Взял единственную дорожную мне вещь: «Педагогиче-

скую поэму». И книга эта и сейчас со мной. Многому в жизни она меня научила, учит и сейчас, и я советуюсь с ней в радостные и трудные минуты фронтовой жизни. Ведь Антон Семенович настолько велик, как человек и мыслитель, что у него надо учиться вообще подходу к людям, умению их воспитывать, руководить и командовать ими, а не только воспитанию детей».

У Макаренко учатся учителя потому, что то, что он создавал, близко, жизненно необходимо и понятно. Так же жизненно целесообразна и притягательно понятна воспитательная система Макаренко. Она кажется очень простой потому, что педагогическая логика, положенная в ее основу, — логика нашей советской жизни, а цель воспитания — политическое и нравственное требование, которое наше общество предъявляет к своим членам — гражданам СССР. И то и другое совершенно понятно в своей основе, но это простое, реалистическое понимание, а не научное освоение системы.

Между тем, как сложна и исторически нова советская государственная система и многообразна жизнь, как огромны задачи, которые призваны разрешить советские люди, наконец, как несказанно богат, одарен и неповторим каждый человек, такой же сложной, дифференцированной должна быть система советского воспитания. Кроме того, это научная система и в ней ничего не может быть случайного, недосказанного, в ней совершенно недопустим самотек или надежда на благоприятные неожиданности, вроде добрых врожденных качеств ребенка и прочее.

В науке все точно обуславливается закономерностью причин и следствий. В педагогике эту закономерность Макаренко видит в единой логике цели воспитания и воспитательного средства. Закономерно только то средство, которое ведет к достижению цели воспитания — организации нужного нашему обществу сознания и поведения. Макаренко устанавливает сложную систему таких закономерностей, найденных им и проверенных в многолетней плодотворной практике. Он пришел к выводу, что воспитание советского человека требует специальной и сложной «инструментовки», как любил он говорить, выражая этим словом всю тонкость и гармоничность педагогического процесса.

Работая с труднейшим человеческим материалом, Антон Семенович убедился, что нет никакой специальной мето-

дики, пригодной только для трудных детей. Правильный педагогический метод и система педагогических средств — организация коллектива, широкое общее и политическое образование и участие в специально организованном производственном труде — делают советскую педагогику все- сильной, а систему почти универсальной. В педагогике, как и во всяком другом деле, действует один и тот же закон: чем труднее материал, тем совершеннее должен быть метод и мастерство, а для более легкого материала мастерство и совершенство метода будут еще более эффективны.

Макаренко не мечтатель-утопист. Он пишет: «За тридцать лет моей педагогической работы я пережил 200 000 (двести тысяч) часов рабочего напряжения, через мои руки прошло более 3 000 детей», и он приходит к выводу, что педагогическая деятельность трудная, но «счастливая деятельность». Воспитать коллективиста — человека с действенным, активным гражданским чувством — дело трудное, ибо это высшая форма выражения человечности в людях, а следовательно, и высшая форма нравственного воспитания, антиподная фашистскому воспитанию, которое является отказом от нравственности и попранием всех человеческих законов и представляет собой достаточно примитивную дрессировку говорящих зверей, действующих не рассуждая в привычных для них мертвых дисциплинарно-организационных формах.

Надо признать, что воспитание высоконравственного человека — дело трудное еще и потому, что диапазон колебаний человеческого сознания и поведения чрезвычайно велик. Бесконечное богатство и тонкость человеческой натуры и ее приспособляемость требуют квалифицированной и умелого обращения, правильно организованной системы воспитательных средств. Поэтому Макаренко предупреждает: «В педагогике нет мелочей и явлений нейтральных». Правильное и умелое нравственное воспитание дает не только высокое совершенство, но и несокрушимую идейную стойкость юной героини Зои Космодемьянской. Макаренко утверждал: «Я не знаю ни одного случая, когда бы правильное воспитание дало плохие результаты». Такая уверенность делает педагогику «счастливой деятельностью».

Обязательным элементом высокого морального облика человека Макаренко считает единство сознания и поведения. Огромное значение придает он «секретному поступку»,

такому поступку, который человек совершает наедине с собой, когда его никто не видит. Именно такой поступок обнаруживает истинную сущность человека. В 1935 году Макаренко писал: «Воспитатель должен быть уверен, что его воспитанники совершат, если их призовет к этому жизнь, одинокий и безымянный подвиг. А высшей наградой будет для них сознание исполненного долга».

Основы нравственного воспитания закладываются в семье, а в школе, в детских государственных учреждениях нравственный облик советского человека должен получить законченность и окончательную стойкость. И Макаренко пишет свои книги для родителей.

А. С. Макаренко чрезвычайно бережно относился к «неповторимой прелести» каждого человека. В своих произведениях он создал богатейшую портретную галерею детских лиц, индивидуальностей и характеров. Его воспитанники — яркие, оригинальные и самобытные люди.

Неудачи многих педагогических школ прошлого он видит «в ошибочном стремлении остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов». Люди неповторимы, в этом особая прелесть бытия, но из этого нельзя делать вывода: разнообразны люди, таким же разнообразным должен быть и метод воспитания. Такой вывод сделал бы невозможной систему государственного воспитания, образования и воспитания миллионов детей. И Макаренко приходит к убеждению, что «достойной нашей эпохи организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время даст возможность каждой отдельной личности развить свои способности, сохранить свою индивидуальность, идти по линии своих склонностей». Решение этой сложной задачи заключается в системе коллективного воспитания, в педагогике коллективного действия, как называет Макаренко этот новый, разработанный им раздел науки о воспитании.

Предлагаемая книга академика Е. Н. Медынского со всей убедительностью и авторитетом показывает, что в процессе многолетней удачной и плодотворной работы А. С. Макаренко пришел к научной педагогической концепции, глубоко продуманной и проверенной на опыте, и для того, чтобы применять ее на практике, недостаточно интуитивно почувствовать ценность системы, увлечься книгами Макаренко и прочесть «Педагогическую поэму».

И объем и характер деятельности Антона Семеновича, которые очень удачно, в концентрированном виде, представлены автором книги, с очевидностью доказывают: для того чтобы с успехом и пользой применять систему и методы Макаренко, надо глубоко и добросовестно их изучить, понять диалектичность педагогического действия и процесса, усвоить логику, которая положена в основу всей системы. Другими словами, необходимо подойти к результатам деятельности Антона Семеновича с тем уважением и ответственностью, которых они заслуживают, как всякое крупное явление в области науки и практики. В этом большая ценность предлагаемой книги.

Наконец, автор совершенно справедливо указывает на необходимость творческого освоения и применения наследия Макаренко. И здесь нельзя забывать, что способность и умение творчески работать приходят только вместе с глубоким знанием дела, что это прекрасный результат всестороннего овладения предметом. Но благородному творческому процессу всегда и со всей категоричностью необходимо противопоставлять кустарное, невежественное применение научной системы, без должного изучения и подготовки. Такое «применение» неизбежно приводит к извращениям даже самых совершенных систем. Были подобные печальные случаи и в использовании наследия Макаренко.

И во всех таких случаях проверка обнаруживала совершенно безответственное, вольное обращение с именем Макаренко. Оказывалось, что люди даже не потрудились внимательно прочесть то, что написано у Антона Семеновича в его книгах, а собственные убогие и досужие измышления для верности или по легкомыслию называли «системой Макаренко». Обычно эти «системы» шли в полный разрез с тем, что делал и утверждал Макаренко. Повторение таких печальных случаев возможно и в будущем, но, собственно, никакого отношения к Макаренко они не имеют. Это особая форма плагиата, при которой используется не произведение, а имя и авторитет известного человека.

Качества системы определяются только опытом квалифицированного и действительно творческого применения ее людьми, которые владеют методологическими основами системы и ее методикой. И хотя наследство Макаренко еще недостаточно изучено, главным образом потому, что многие из его произведений представляют библиографиче-

скую редкость, а научному и систематическому освоению этого наследия положено начало только год тому назад, тем не менее есть уже много учреждений, которые с большим успехом и всегда творчески применяли и применяют в большей или меньшей степени методы воспитательной системы Макаренко, используя главным образом более ранний опыт колонии имени Горького.

Методика воспитательной работы, которую применял Макаренко, так динамична, что ее нельзя догматизировать. И когда Макаренко говорит о законах, которые должны лечь в основу системы советского воспитания, то одним из первых он устанавливает следующий: «Остановка в развитии коллектива или отдельной личности есть начало деградации и коллектива и личности». Это положение определяет творческий характер деятельности педагога, утверждает, что он должен быть движущим началом и организатором нарастающего поступательного процесса развития целого коллектива и личности своих воспитанников. А всякая догматизация — не только остановка, а омертвление. И те детские учреждения, которые усвоили этот творческий метод, всегда очень продуктивно применяют и систему организации коллектива и воспитывающие формы коллективной деятельности детей.

В 1937 году в большинстве детских домов Харьковской области с большим успехом была применена организация детского коллектива и система проверки приказа и выполнения, так, как это было в колонии имени Горького. Этот массовый опыт дал прекрасные результаты и быстро оздоровил даже самые запущенные детские дома.

Научно-исследовательская лаборатория А. С. Макаренко имеет в своем распоряжении очень интересную работу тов. В. И. Елланского, директора средней школы № 9 города Москвы, в которой автор рассказывает, как он, используя педагогическое наследие Антона Семеновича, очень эффективно применил его в своей школе. Он создал крепкий и деятельный школьный коллектив, который стал, говоря словами Макаренко, «мудрой, точной и деятельной силой» в умелых руках педагогов. Этот опыт относится к 1939—1940 годам.

Чрезвычайно большой интерес представляет опыт применения воспитательной системы А. С. Макаренко ведущими педагогами, выдающимися учеными нашей страны.

В далекой сибирской тайге в эвакуации доктор педаго-

гических наук, член-корреспондент Академии педагогических наук И. Ф. Сладковский в течение двух лет руководил детским домом. Дом был в исключительно тяжелом состоянии, материальные возможности скудными. Для того чтобы хорошо поставить работу, требовались поистине героические усилия. Каждый, кто работал в детском доме, знает всю трудность и ответственность этой работы. Профессор И. Ф. Сладковский самоотверженно отдался возрождению детского учреждения. В основу своей работы он положил систему А. С. Макаренко и в очень короткое время достиг прекрасных результатов.

Наиболее полно осуществляют систему Макаренко бывшие его соратники по работе в колонии и коммуне и воспитанники, работающие сейчас в детских учреждениях. Здесь можно назвать Т. Д. Татарина, бывшего заместителя Антона Семеновича в коммуне имени Дзержинского, который работает сейчас директором ремесленного училища в г. Бердянске; В. Н. Терского, работающего в Ленской школе в Челябинской области; С. А. и Г. К. Кабалиных, С. Шведа, Р. Красную, С. Соколова и других.

В «Комсомольской правде» 17 июня 1942 года была напечатана интересная статья «Поэма продолжается». Автор чрезвычайно живо и убедительно описывает работу директора детского дома Леонида Ивановича Горяинова, умело применяющего систему А. С. Макаренко.

Подобных примеров много. Они позволяют с полной убежденностью сказать, что в тех случаях, когда система А. С. Макаренко применялась квалифицированно, она вполне себя оправдывала.

Задача научно-исследовательской лаборатории А. С. Макаренко — научная разработка и исследование педагогического наследия А. С. Макаренко с целью внедрения его опыта в практику работы школ и детских учреждений. Книжка академика Е. Н. Медынского является первым крупным вкладом в это большое и важное дело. Она явится ценным пособием в работе молодого педагога-воспитателя.

*заведующий научно-исследовательской
лабораторией А. С. Макаренко*

Г. МАКАРЕНКО,

I. ГОДЫ УЧЕНИЯ И НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

«Макаренко Антоний — выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию; особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам...»

(Из характеристики, данной А. С. Макаренко Полтавским учительским институтом в 1917 году.)

Антон Семенович Макаренко родился 1(13) марта 1888 года в г. Белополе Сумского уезда Харьковской губернии. Отец его, Семен Григорьевич, был мастером малярного цеха в железнодорожных мастерских.

«Высокий, прямой, суровый, он вел строгую жизнь, не пьянствовал, жену не бил, улыбался очень редко...» Так рисует Антон Семенович в романе «Честь» своего отца.

Сына Семен Григорьевич любил, но относился к нему строго, не баловал. Умер он в возрасте шестидесяти шести лет, в 1916 году, незадолго до окончания Антоном Учительского института.

Мать А. С. Макаренко, Татьяна Михайловна, требовательная к себе и другим, была любящей, хорошей женою и матерью, отличной хозяйкой.

Семья Макаренко жила бедно, но чисто, аккуратно и деловито. Ровные, сдержанные, но проникнутые большой любовью отношения скрепляли всех членов семьи, у каждого из которых были свои строго определенные обязанности. Трудолюбие, честность, сознание долга, чувство человеческого достоинства — вот качества, которые прививались Антону Макаренко с детства.

Все эти, взращенные с детства, черты проявлялись, как увидим дальше, во всей педагогической деятельности Антона Семеновича и заняли большое место в его педагогических высказываниях. Свою теорию семейного воспитания, свой принцип «требовательной любви к детям», учение о воспитании чувства долга и чести Антон Семенович строил впоследствии, учитывая до известной степени, несомненно, и впечатления своего детства.

Читать Антон Семенович научился очень рано, в возрасте пяти лет. Когда ему исполнилось двенадцать лет, железнодорожные мастерские, где работал его отец, перевели в Крюков, близ Кременчуга, Полтавской губернии. Антона определили в городское четырехклассное училище. Провожая сына в школу, где учились дети мелких служащих и торговцев, отец сказал ему:

«Городские училища не для нас строили, а ты покажи им. Принесешь четверку... лучше не приноси! Пятерки. Понимаешь?»

Антон Семенович свято выполнял наказ отца. За все годы пребывания в школе, а затем и в Учительском институте Антон Семенович получал только пятерки.

После городского училища А. С. Макаренко окончил учительские курсы, и в 1903 году, получив звание народного учителя, был назначен преподавателем железнодорожного училища при заводе, где работал его отец. Вскоре он стал учителем большого двухклассного железнодорожного училища.

Двухклассное училище имело в те времена пятилетний курс: три года — первый класс, соответствовавший начальной школе, и два года — второй класс, дававший повышенное начальное образование. Обычно молодые педагоги, окончившие не только учительские курсы при городских училищах, но даже более высоко стоявшее педагогическое учебное заведение — учительскую семинарию, назначались лишь в начальную (трех-четырёхгодичную) школу. Назначение молодого Макаренко преподавателем повышенной начальной школы свидетельствует о том, что его, как способнейшего курсанта, оценили уже на заре его педагогической деятельности.

Один из бывших преподавателей Кременчугского городского училища и педагогических курсов при нем, П. П. Каминский, писал: «Я хорошо помню Антона Семеновича и учеником и курсантом. Учился он действительно пре-

красно, обладая исключительными способностями и удивительной для юноши выдержкой. Пробные уроки всегда проходили у него отлично».

Железнодорожные начальные школы, в особенности повышенные двухклассные училища, были в те времена поставлены лучше других, довольно хорошо финансировались железнодорожным ведомством, имели хорошие помещения и оборудование. Во многих из них, кроме общеобразовательных предметов, преподавался ручной труд: столярное, слесарное и токарное дело. Учителя оплачивались лучше, и состав их был, как правило, выше, чем в других начальных школах.

Учились в них дети рабочих, заниматься с которыми было несравненно приятнее, чем с избалованными барчуками. Вспоминая об этом периоде своей жизни, А. С. Макаренко пишет: «В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках... Из этой школы вышло много большевиков»¹.

В те годы на Антона Семеновича большое влияние оказали произведения Горького. Это влияние, как увидим далее, сохранилось на всю жизнь и сыграло большую роль в формировании педагогических взглядов и литературной деятельности А. С. Макаренко.

Он сам так характеризует роль Горького в начале своей педагогической деятельности:

«И для меня и для моих учеников Максим Горький был организатором марксистского мироощущения. Если понимание истории приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особенности, то Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большою радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря!»².

По инициативе Антона Семеновича и под его руководством устраивались школьные праздники, был организован ученический лагерь. Эта работа сблизила молодого учителя с рабочими — родителями учащихся. Затем Антон

¹ А. Макаренко, Горький в моей жизни. Альманах. Год XIX. 1936 г.

² А. Макаренко, там же.

Семенович организовал родительский комитет, в состав которого вошли передовые рабочие.

Рабочие собирались в школе не только по делам родительского комитета, но и для революционной деятельности. Заведующий училищем Михаил Григорьевич Компанцев и некоторые педагоги, в числе которых был, конечно, и А. С. Макаренко, принимали живое участие в революционной работе. Крюковское железнодорожное училище сделалось местным центром революционной работы.

Чтобы нарушить эту деятельность и «оздоровить» школу, инспектор народных училищ перевел Компанцева в другую школу и назначил в Крюковское железнодорожное училище нового заведующего, вполне «соответствующего видам начальства».

Новый заведующий оказался взяточником. А. С. Макаренко повел против него решительную борьбу.

Чувствуя поддержку начальства, заведующий обвинил Антона Семеновича в клевете. Однако при разборе дела в суде Макаренко представил неопровержимые доказательства взяточничества.

Пришлось начальству убрать этого «заведующего» из Крюковской школы, но... вместо тюрьмы его назначили с повышением в другую школу. Вслед за этим и Антона Семеновича начальство поспешило удалить из Крюкова, опасаясь его революционного влияния на учащихся и их родителей-рабочих. В 1911 году ему удалось добиться назначения в железнодорожную школу станции Долинская Херсонской губернии, которой заведывал М. Г. Компанцев. Проработав здесь около трех лет, Антон Семенович в 1914 году поступил в Полтавский учительский институт, готовивший преподавателей высших начальных училищ.

И здесь Макаренко был одним из лучших студентов. Он много читал, хорошо изучил произведения классиков педагогики. На семинарах и практических занятиях он выступает с обстоятельными и яркими докладами по вопросам педагогики. Бывший директор Полтавского учительского института А. К. Волнин пишет о педагогических конференциях в институте:

«...На педагогических конференциях в институте А. С. был одним из активнейших участников. Выступления А. С. отличались не одной основательностью и логичностью в раскрытии мыслей, — они были исключительно хороши по форме. А. С. совершенно свободно владел устным словом

и, что особенно поражало в украинце, искусно владел в нем гибкой и стройной фразой на чисто русском литературном языке, чего я не наблюдал больше ни у кого из своих слушателей-украинцев. Это был у него какой-то особенный дар. В течение 2—3 часов он мог устно излагать доклады вполне литературной русской речью, пересыпая их, нет-нет, украинскими выражениями со свойственным ему украинским юмором, что держало на неослабной высоте внимание слушателей...»¹

На переводных экзаменах с первого курса на второй присутствовал попечитель учебного округа профессор истории А. Н. Деревницкий. Ответы Макаренко настолько заинтересовали его, что он вступил с Антоном Семеновичем в беседу на различные исторические темы, был удивлен большой эрудицией Макаренко и отметил это в книге почетных посетителей института.

Сам Макаренко в 1939 году отмечал большую роль, которую сыграли преподаватели Полтавского учительского института в формировании мировоззрения его и его товарищей. Антон Семенович пишет, что благодаря этим учителям «много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронте гражданской войны. Это потому, что они были всегда настоящими людьми и они воспитали в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии они создали самые главные положения всей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему»².

А. С. Макаренко окончил блестяще Учительский институт и за отличные успехи был удостоен золотой медали. В характеристике, выданной институтом, говорилось:

«Макаренко Антоний — выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию; особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку».

После выпускных экзаменов Антон Семенович вернулся в Крюков, где жила его недавно овдовевшая старушка-мать. Здесь он с 1 сентября 1917 года работал инспектором.

¹ А. Воллин, Воспоминания (неопубликованные). (Архив А. С. Макаренко.)

² А. Воллин, там же.

(заведующим) высшего начального училища. На этой работе застала его Октябрьская революция, которую он встретил с восторгом и большими надеждами.

«После Октября передо мной открылись большие перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили», писал впоследствии А. С. Макаренко в статье «Горький в моей жизни».

Он организовал в своем училище духовой оркестр, школьный огород, вел со своими учащимися большую внешкольную и внеклассную работу. Товарищ Антона Семеновича по работе, И. Гуков, заведывавший соседним высшим начальным училищем, указывает в своих воспоминаниях, что Антон Семенович уже тогда энергично искал новые формы и методы воспитательной работы.

Уже в самом начале своей деятельности советского педагога А. С. Макаренко ищет новых путей педагогической работы, экспериментирует, нащупывает те методы, которые затем он станет применять в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского.

Уже тогда в 1918—1919 годах основу воспитания он видел в создании крепкого детского коллектива. Гуков вспоминает, что Антон Семенович смело применял в своей воспитательной работе организующую ребят символику и элементы военизации: военный строй, знамя, барабан, отличительные знаки для учащихся своей школы, дисциплину.

Эти поиски организующих форм для того времени были очень смелы, потому что работники отделов народного образования и большая часть педагогов стояли тогда на позициях свободного воспитания и относились отрицательно к твердой дисциплине, а тем более к элементам военизации школьников.

Тогда же Антон Семенович, по свидетельству Гукова, организовал практическую работу учащихся в саду и огороде. Весь детский коллектив школы делился на рабочие дружины; каждый из участников такой рабочей дружины имел свой отличительный знак: белую нашивку на рукаве с изображением вишни, моркови, яблока и т. д. (по роду работы в саду или на огороде).

Ученики собирались в школу. В назначенное точно для сбора время выносили знамя; Антон Семенович принимал команду, и колонна со знаменем и барабанным боем шла к месту работы. Перед началом работы — короткая речь

Антон Семёновича, и каждая дружина направлялась к своему участку.

В этих организационных формах 1918—1919 годов не трудно заметить те принципы организации воспитанников, которые Антон Семенович применил впоследствии в колонии.

II. ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ ИМЕНИ ГОРЬКОГО

«Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно... удивительный Вы человек и как раз из таких, в каких Русь нуждается».

«Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая человечья скла!»

(Из писем А. М. Горького в 1926—1928 годах к А. С. Макаренко.)

Осенью 1920 года Полтавский губернский отдел народного образования поручил А. С. Макаренко организовать колонию для несовершеннолетних правонарушителей.

Для этой колонии в шести километрах от Полтавы был предоставлен участок земли гектаров в сорок с несколькими полуразрушенными зданиями. До Октябрьской революции здесь помещалась колония малолетних преступников.

Все оборудование этой бывшей колонии было расхищено: вынуты стекла, сняты с петель двери, разобраны по кирпичику печи. Даже фруктовые деревья были выкопаны и, повидимому, куда-то пересажены.

За два месяца энергичной работы удалось кое-как привести в жилой вид одно из общежитий бывшей колонии, вернуть кое-что из оборудования ее, получить пудов сто пятьдесят муки.

В декабре прибыло несколько воспитанников. Присланные сюда правонарушители — пятнадцати-восемнадцатилетние парни — бездельничали, на ночь куда-то уходили из колонии, открыто издевались над педагогами. На большой дороге, идущей на Харьков, начались по вечерам грабежи. Воровали даже из колонии продовольствие и деньги. Доходило по временам и до поножовщины.

С большим трудом удалось до некоторой степени дисциплинировать эту первую небольшую группу колонистов. Но в феврале число воспитанников дошло до полусотни.

Антон Семенович понимал, что сразу ставить перед этими людьми жесткие требования нельзя. Поэтому он с большим педагогическим тактом подчинял своему влиянию воспитанников постепенно, но твердо. На колонистов большое впечатление производили твердость и даже бесстрашие Антона Семеновича, его выдержка, неустанная, самоотверженная забота о питании колонистов, об улучшении их бытовых условий. Создавать коллектив колонистов он начал с организации актива. Он организовал из колонистов охрану большой дороги от грабителей, охрану леса от порубок. «Охрана государственного леса очень подняла нас в собственных глазах, доставила нам чрезвычайно занятную работу и, наконец, приносила значительные выгоды», замечает А. С. Макаренко.

Поблизости от колонии находилось полуразрушенное бывшее помещичье имение. Антон Семенович решил взяться за восстановление в этом имении сельского хозяйства. «Если хорошо взяться за дело, — говорил Макаренко воспитанникам, — колония через год-два будет иметь много хлеба, овощей, ягод и яблок, можно даже поставить молочное хозяйство, развести свиней. Кончится полуголодная жизнь».

Труд предстоял тяжелый: не было инвентаря, семян, дом стоял без окон и дверей. Но Антон Семенович сумел увлечь ребят. Они горячо поддержали его предложение.

Через неделю он стоял среди колонистов с ордером на имение. «Я стою среди спальни, — вспоминает он, — я еще с трудом верю, что это не сон, а вокруг меня взволнованная толпа колонистов, вихрь восторгов и протянутых рук: «Дайте ж и нам посмотреть!»

Через год имение нельзя было узнать. Неузнаваемо изменились и сами колонисты.

Так, шаг за шагом, смелой постановкой задач, личным примером и тактом, умелым подходом к каждому воспитаннику, организацией группы преданных делу педагогов был создан коллектив — основа воспитательной системы Макаренко.

Не раз этот, еще не окрепший, с большим трудом созданный коллектив подвергался опасности разложения, когда в него вливались новые правонарушители. В такие периоды, по словам Антона Семеновича, создавался «широкий простор для всякого своеволия, для проявления одичавшей в своем одиночестве личности. Картина в об-

и- щем была тягостная, но все же зачатки коллектива, заро-
с дившиеся в течение первой зимы, потихоньку зеленели в
я- нашем обществе, и эти зачатки во что бы то ни стало
ов нужно было спасти, нельзя было новым пополнениям поз-
с- волить приглушить эти драгоценные зеленя. Главной своей
я, заслугой я считаю, что тогда я заметил это важное обсто-
ч- ятельство и по достоинству его оценил... Хорошо было то,
о- что я всегда ощущал себя накануне победы, для этого
а- нужно было быть неисправимым оптимистом. Каждый день
т- моей тогдашней жизни обязательно вмещал в себя и веру,
и- и радость, и отчаяние»¹.

У недавних правонарушителей нелегко было вытравить пороки, которые были воспитаны годами скитальческой жизни. Это сделать было тем более трудно, что в колонию еженедельно прибывали все новые и новые беспризорные и правонарушители.

События следовали одно за другим. То несколько парней тайком изводили и даже избивали воспитанников-евреев, то вспыхнуло настоящее сражение группы колонистов с деревенскими парнями и в ход были пущены ножи и обрезы, то группа колонистов производила налет на крестьянские погреба, уничтожая сало, сметану и прочую снедь. Бывали для Антона Семеновича дни, когда в порыве отчаяния он мучительно думал: «Ну что я могу сделать? Что я могу сделать?»

Пришлось удалить из колонии нескольких колонистов. Этот шаг Антон Семенович переживал очень тяжело: ему казалось, что эта мера — показатель безрезультатности его педагогических приемов. Уставшие от работы, требовавшей огромного напряжения, педагоги поговаривали о безнадежности своих усилий: «По правильному ли пути мы идем? А вдруг мы делаем какую-то страшную ошибку: нет совсем коллектива, а мы все говорим о коллективе. Быть может, мы сами себя просто загипнотизировали собственной мечтой о коллективе».

Но не такой человек был Антон Семенович, чтобы поддаться этим безнадежным настроениям и «тощим», по его выражению, мыслям. Подавляя набегавшие по временам сомнения, он проявлял железную выдержку, ободрял уставших педагогов. В трудные дни, следовавшие за ка-

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 73. Изд. 5-е. 1940 г.

ким-либо крупным «событием», он работал так, как будто ничего не случилось. В такие дни особенно четкими становились требования Антона Семеновича к колонистам и воспитателям, особенно большими — трудовые задания. Он становился внешне суровым, как бы надевал на себя маску, стараясь сделать незаметными для окружающих свои сомнения и настроения. И все вокруг тоже подтягивались, чутко, молчаливо выказывая предупредительность к Антону Семеновичу, больше напрягались в работе, строго выполняли правила установившегося в колонии режима.

Проходило некоторое время, и снова оживали все в колонии: «Как и раньше, кругом звучали смех и шутки, как и раньше, все неистощимы были на юмор и энергию, только теперь все это было украшено полным отсутствием какой бы то ни было разболтанности и несообразного вялого движения»¹.

Дисциплинированности колонистов сильно способствовали военно-физкультурные занятия. Антон Семенович сам руководил этими занятиями. Благодаря военному строю движения колонистов стали более четкими, походка — более уверенной, вся фигура колониста — более стройной.

Через два года со дня основания колонии в ней было сто двадцать четыре воспитанника. Разрослось и хозяйство: шестнадцать коров, около пятидесяти поросят, восемь лошадей, большой огород и значительный посев зерновых — всего до семидесяти гектаров пахотной земли. Руководить хозяйством был приглашен агроном, хорошо наладивший севооборот и полевые работы.

Организация труда колонистов была построена по отрядам. В состав каждого отряда входило разное число колонистов, мальчиков и девочек, в зависимости от той работы, какую он выполнял. Во главе каждого отряда стоял командир. Сначала его назначал А. С. Макаренко, а впоследствии — совет командиров.

Кроме постоянных отрядов, в случае экстренных работ составлялись сводные отряды временного характера. Командиром сводного отряда становился обычно кто-либо из рядовых членов постоянных отрядов. Это давало возможность многим колонистам выступать не только в роли исполнителей, но и в роли организаторов.

Такая организация труда, как указывает А. С. Мака-

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 179. Изд. 5-е, 1940 г.

ренко, позволила колонистам «слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив, в котором была рабочая и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу, но в котором не образовывалось аристократии — командной касты».

Командиры отрядов составляли совет командиров, который сделался для Антона Семеновича мощным рычагом всей воспитательной работы и трудовой деятельности колонистов. Это был прекрасный актив колонистов, принимавший самое живое участие во всей жизни колонии. Совет командиров обсуждал и решал все важнейшие вопросы организации быта и хозяйства колонии, обсуждал сметы колонии, организацию культурной жизни, прием новых колонистов и т. д. Совет ревниво оберегал честь колонии. Он рассматривал проступки колонистов и назначал взыскания.

Одним из педагогически-тактических правил Антона Семеновича было полное забвение прошлого колонистов, особенно их преступлений. Его интересовало не их прошлое, а их будущее. Как указывает сам Макаренко, провести этот принцип во всей строгости удалось с трудом. И колонисты и педагоги в первое время проявляли большой интерес к тому, за что прислан в колонию новоприбывший. Антон Семенович сознается, что ему вначале приходилось даже в себе самом подавлять этот интерес: «Всегда подмывало узнать, за что прислан колонист в колонию, чего он такого натворил. Обычная педагогическая логика в то время старалась подражать медицинской и толковала с умным выражением на лице: для того чтобы лечить болезнь, нужно ее знать. Эта логика и меня иногда соблазняла, а в особенности моих коллег и наробраз. Комиссия по делам несовершеннолетних присылала к нам «дела» воспитанников, в которых подробно описывались разные допросы, очные ставки и прочая дребедень, помогавшая якобы изучить болезнь»¹.

С первого взгляда кажется действительно педагогически очень целесообразным ознакомиться с этими делами, узнать, кто же прислан в колонию, какие меры принять, чтобы искоренить былые «грехи», чего следует опасаться. Но А. С. Макаренко своим изумительным педагогическим чутьем и тактом понял, что малейшее проявление с его

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 204. Изд. 5-е, 1940 г.

стороны интереса к этому прошлому повлечет за собою такой же интерес в других педагогах и вовсе уже нездоровый интерес к новичку у колонистов. Расспросы последних, во-первых, будут будить у них самих воспоминания о их прошлом и, во-вторых, будут поддерживать у новичков обычное в жизни беспризорных подростков ухарство, бахвальство и смакование былых походов, с нередкими к тому же преувеличениями и приукрашиванием. Все это вносило бы неизбежный элемент разложения.

Но основная причина, почему А. С. Макаренко не любил копаться в прошлом своих воспитанников, — это его уважение к человеческой личности колониста. Антон Семенович никогда не относился к своим воспитанникам, как к бывшим преступникам. В каждом из них он видел прежде всего человека, старался найти положительные стороны, верил в большие силы и возможности каждого колониста и умел пробудить в каждом из них, за единичными исключениями, эти силы и чувство человеческого достоинства. Антона Семеновича и его воспитанников всегда оскорбляло, когда на колонистов смотрели, как на бывших преступников, правонарушителей.

Всякие попытки новоприбывших бахвалиться своим недавним прошлым сурово пресекались старыми колонистами, и уже скоро новички начинали понимать неуместность подобных рассказов и стеснялись даже вспоминать о былых «подвигах».

Болезненно переживал Антон Семенович и его воспитанники отсутствие в колонии комсомольской организации. Неоднократные хлопоты Макаренко и колонистов успеха не имели: в Полтаве считали, что правонарушители не могут иметь своей комсомольской ячейки. Только в 1922 году при поддержке Наркомпроса Украины, в ведение которого была передана к этому времени колония, как образцово-показательное учреждение, здесь была создана сильная комсомольская организация.

Уже в конце первого года своего существования колония присвоила себе наименование: «Колония имени Горького».

Еще в юности А. С. Макаренко увлекся произведениями Горького, учился у Горького ценить человека. Приступая в 1920 году к организации колонии, Антон Семенович снова обратился к тому же источнику. В статье «Горький в моей жизни» он писал:

«Старый опыт колонии малолетних преступников для меня не годился, нового опыта не было, книг тоже не было. Мое положение было очень тяжелым, почти безвыходным. Я не мог найти никаких «научных» выходов. Я принужден был непосредственно обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому».

В произведениях Горького Макаренко нашел подход к человеку, тот гуманизм, который является исходным положением его педагогической системы, научился у Горького видеть в каждом человеке «огромный диапазон возможностей».

Естественно, что и своим воспитанникам Антон Семенович постарался передать свое увлечение произведениями Горького. В долгие зимние вечера он устраивал чтение вслух произведений великих русских писателей. Своими рассказами о жизни Горького он пробудил у колонистов любовь к этому великому мастеру слова.

«Сначала не верили мне, — пишет Антон Семенович, — когда я рассказал действительную историю жизни М. Горького, были ошеломлены этой историей и внезапно увлеклись вопросом:

— Значит, выходит, Горький вроде нас? Вот, понимаешь, здорово!

Этот вопрос их волновал глубоко и радостно. Жизнь М. Горького стала как будто частью нашей жизни. Отдельные ее эпизоды сделались у нас образцами для сравнения...»

Естественно, что колония стала называться колонией имени Горького. Это наименование дало возможность избавиться от гнетущего названия колонии несовершеннолетних правонарушителей, прекрасно определило педагогические установки воспитателей во главе с Антоном Семеновичем и устремления воспитанников.

Завели соответствующую печать и штемпеля для официальной переписки. Постепенно все учреждения и организации, с которыми приходилось иметь дело, привыкли к этому наименованию. Для самих же колонистов в нем заключалось большое воспитательное значение.

Хотелось вступить в непосредственное общение с Горьким, но не знали его адреса. Лишь летом 1925 года направили письмо Горькому в Италию и 19 июля получили от него первое письмо. Затем, в ответ на письма колонистов,

последовало второе письмо Горького, где он высказал свое мнение о колонии и об отношении Макаренко к колонистам. «Это — действительно система перевоспитания, и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой».

С тех пор у Макаренко и колонистов завязалась регулярная переписка с Горьким. Когда в 1928 году Алексей Максимович приехал в СССР, он посетил колонию, где в это время воспитывалось уже около четырехсот ребят.

Во второй книге журнала «Наши достижения» в 1929 году Горький поместил статью «По Союзу Советов», в которой дал описание и оценку колонии, находившейся в это время уже в Куряже, близ Харькова.

«С ребятами этой колонии я переписывался четыре года, следя, как постепенно изменяется их орфография, грамматика, растет их социальная грамотность, расширяется познание действительности, как из маленьких анархистов, бродяг, воришек, из юных проституток вырастают хорошие, рабочие люди».

Характеризуя в этой статье Антона Семеновича, Горький пишет:

«Кто мог столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? Организатором и заведующим колонией является А. С. Макаренко. Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он суровый по внешности, малословный человек, лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя «из идейных». Говорит хрипло, сорванным или простудившимся голосом, двигается медленно, всюду поспевает, все видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной головке...»

Осенью 1923 года весь персонал и колонисты, оставив неуютные помещения бывшей колонии для малолетних преступников, перешли в отремонтированные помещения полученного колонией бывшего имения. Из ведения Пол-

тавского губернского отдела народного образования колония перешла в непосредственное подчинение Наркомпросу Украины.

Благодаря агроному колонии, умело организовавшему сельское хозяйство, и упорному, слаженному труду колонистов материальное положение колонии имени Горького было прекрасно: с полей получали достаточное количество хлеба и овощей, имели породистых коров, свиней, большой сад, владели мельницей, обслуживавшей нужды не только колонии, но и окрестных селений.

Но по некоторым признакам, несмотря на материальное довольство и внешнее благополучие, Антон Семенович чутко понял, что внутренний рост колонии приостановился, что нет уже у колонистов былого энтузиазма и устремлений. Дальнейшая жизнь без таких устремлений может превратиться в обывательское проживание: число коров и свиней увеличится вдвое или втрое, появится еще одно здание на территории колонии; спокойная, сытая жизнь без борьбы, без исканий и идеалов... «Да, мы почти два года стоим на месте: те же поля, те же цветники, та же столовая и тот же ежегодный круг»¹, думал Антон Семенович.

Он понял: «Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива». Человек должен всегда видеть новую перспективу. Материальное благополучие не может быть самоцелью: оно только средство, условие для развития сил человека, который рвется к широким, светлым просторам.

Возможность приложить свои силы к большому новому делу представилась довольно скоро. Вблизи Харькова, в зданиях бывшего Куряжского монастыря, находилась колония, в которой жило двести восемьдесят беспризорников. Куряжские педагоги не сумели наладить с ними никакой воспитательной работы и ограничивались дежурствами в своих комнатах, боясь даже показаться в гуще воспитанников. Имущество колонии было расхищено. Ребята ходили в лохмотьях, промышляя воровством на харьковских базарах, кражами в соседних селениях. Школы не было. Ребята приходили в колонию только спать и обедать.

Перед Макаренко и коллективом его воспитанников встала задача «завоевать Куряж». Было решено всем со-

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 343. Изд. 5-е. 1940 г.

ставом переселиться туда, спасти погибающих ребят, подчинив их влиянию и режиму горьковцев.

Задача была поставлена очень смело. В колонии имени Горького тогда было сто двадцать воспитанников и среди них сорок новичков, недавно присланных, не успевших еще превратиться в настоящих горьковцев. Надо было оставить обработанные поля, сады и огороды, отремонтировать с большим трудом жилые помещения и прекрасные хозяйственные постройки. В Куряже имелось, правда, сто двадцать гектаров земли, но три четверти ее было запущено и не обрабатывалось, здания были полуразрушены. А ведь с самого начала предстояло создавать хозяйство, которое могло бы прокормить около пятисот человек.

Не материальные соображения, однако, смущали Антона Семеновича и его колонистов. Возникало большое опасение, как бы двести восемьдесят разложившихся куряжан, к которым легко могут присоединиться сорок новичков колонии имени Горького, не одолели небольшой коллектив старых горьковцев.

С большим риском погубить колонию имени Горького Антон Семенович и его коллектив решились на опасный эксперимент.

Временами Антона Семеновича охватывали мучительные думы: «Как я мог рискнуть не только своей удачей, но и жизнью целого коллектива? Пока это число «280» представлялось мне в виде трех цифр, написанных на бумаге, моя сила казалась мне могучей, но вот сегодня, когда эти двести восемьдесят расположились грязным лагерем вокруг моего ничтожного отряда мальчигов¹, у меня начинает холодеть где-то около диафрагмы, и даже в ногах я начинаю ощущать неприятную тревожную слабость».

Наркомпрос Украины не только не поддерживал А. С. Макаренко, но относился к его воспитательной системе отрицательно и нередко мешал ему работать. С некоторым колебанием он согласился на слияние колонии имени Горького с куряжской колонией, но предложил план «завоевания Куряжа», с точки зрения Макаренко, совершенно неприемлемый: «постепенное проникновение» в Куряж в расчете, что «хорошие мальчишки» — горьковцы — будут полезно влиять на «плохих» — куряжан. Ку-

¹ Речь идет о передовом отряде из нескольких горьковцев, с которым А. С. Макаренко выехал впервые в Куряж.

ряжан всячески настраивали против горьковцев те несколько десятков «педагогов» куряжской колонии и её заведующий, немедленного увольнения которых потребовал Макаренко.

В противоположность плану постепенного внедрения в Куряж, который навязывался Антону Семеновичу Наркомпросом, он совместно со своим коллективом горьковцев применил другую тактику.

«Подготавливаясь к борьбе с Куряжем, я рассчитывал на один молниеносный удар, — куряжан надо было взять сразу. Всякая оттяжка, надежда на эволюцию, всякая ставка «на постепенное проникновение» обращали всю нашу операцию в сомнительное дело. Я хорошо знал, что «постепенно проникать» будут не только наши формы, традиции, тон, но и традиции куряжской анархии. Харьковские мудрецы, настаивая на «постепенном проникновении», собственноручно говоря, сидели на старых, кустарной работы стульях: хорошие мальчики будут полезно влиять на плохих мальчиков. А мне уже было известно, что самые первосортные мальчики в рыхлых организационных формах коллектива очень легко превращаются в диких зверенышей»¹.

После нескольких дней подготовительной работы передового отряда в середине мая 1926 года совершилось переселение колонии имени Горького в неудобные, захламленные помещения Куряжа. Стройные ряды ста двадцати колонистов-горьковцев со знаменем, под звуки оркестра вступили в Куряж. Немедленно по прибытии горьковцев состоялось общее собрание, на котором была зачитана и проголосована единогласно (в том числе и куряжанами) тщательно разработанная комсомольской ячейкой колонии имени Горького декларация, четко определявшая режим на ближайшие дни. После собрания куряжан остригли четыре привезенные из Харькова парикмахера. Куряжане выкупались с мылом (может быть, впервые за несколько месяцев), сдали свои лохмотья и постели в дезинфекционную камеру, специально прибывшую из Харькова, надели форму и новую одежду колонии имени Горького. Все колонисты — старые и новые — были распределены на двадцать отрядов, назначены командиры отрядов. В заключение состоялся праздничный обед.

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 374, Изд. 5-е, 1940 г.

Мы подробно остановились на «завоевании Куряжа» потому, что этот факт — один из самых замечательных в педагогической практике А. С. Макаренко. В нем ярко проявился стиль работы Антона Семеновича: смелость эксперимента, педагогическое чутье, авторитет и такт педагога, учет психологии воспитанников, умение воздействовать на них в самых трудных условиях, уверенность в могучей воспитательной силе коллектива.

«Завоевание Куряжа» могло совершиться и действительно совершилось только молниеносно. Макаренко в этой операции проявил себя большим педагогом-стратегом.

Вместе с тем он отчетливо понимал, что победу надо закрепить: ошеломленные натиском, зачарованные красиво вступившими в Куряж стройными колоннами горьковцев, с их привлекательной символикой и здоровым весельем, куряжане были захвачены неожиданным порывом.

У многих из них даже появилось сознание возможности лучшей жизни. Но даже такого сознания, не говоря уже об эмоциональном, скоро проходящем порыве, было далеко не достаточно, чтобы преодолеть глубоко въевшуюся расхлябанность, непривычку к трудовой жизни, непонимание той четкой дисциплины и законов коллектива, которые выработались в колонии имени Горького и прочно усваивались каждым ее воспитанником.

В педагогические чудеса Антон Семенович не верил. Более чем кто-либо другой он многолетним опытом и глубоким педагогическим анализом убедился, какие огромные усилия надо приложить педагогу, чтобы поддерживать, превратить в устойчиво-длительный огонь мелькнувшие в воспитанниках искры долга и чести, дисциплины и труда. Легко, пожалуй, вызвать их. Но часто, вспыхнув даже ярко, они быстро гаснут. Трудно пробудить сознание, и тем более трудно развить и направить волю воспитанника, особенно если вся предыдущая жизнь приучила его к расхлябанности.

И действительно, на следующий день «настроение у куряжан с самого утра было прекрасное, и все-таки к обеду выяснилось, что работают очень плохо. После обеда многие уже не вышли на работу, где-то попрятались, часть по привычке потянулась в город».

Положение создалось очень трудное: возникла опасность, что куряжане захлестнут не только новичков-горьковцев, но разложат и старых колонистов. «Взяться за

внешние дисциплинарные меры, которые так выразительно и красиво действуют в сложившемся коллективе, было опасно»: это при многочисленности нарушителей потребовало бы много времени и было бы неэффективно. К тому же возникала опасность, что неподчинение хотя бы нескольких куряжан дисциплинарным взысканиям опрокинет всю систему взысканий, подорвет авторитет педагогов.

Целой системой разнообразных педагогических приемов, тонко, психологически рассчитанных, при поддержке коллектива старых горьковцев в течение короткого сравнительно времени Антону Семеновичу удалось, однако, преодолеть и эти затруднения.

«И снова пошли один за другим строгие и радостные рабочие дни, полные забот, маленьких удач и маленьких провалов». Жизнь в Куряже наладилась под искусным руководством Макаренко такой же, какой она была в прежней колонии имени Горького. Сложнее лишь стало направлять огромный коллектив воспитанников, шире стал размах работ. Кроме сельского хозяйства, которое надо было наладить быстро, так как впереди была зима 1926/27 года, когда нужно было прокормить уже не 150, а около 450 человек, надо было организовать работу в деревообделочных мастерских, изготовлявших для колонии и на заказ мебель и кое-какую утварь, в швейной, сапожной и других мастерских, которые обслуживали колонистов.

Школа с обязательным для всех воспитанников обучением имела уже шесть классов. Успешно работал клуб. Было открыто кино, куда охотно ходили не только колонисты, но и жители окрестных селений.

В 1927 году украинские чекисты на собранные ими средства решили создать памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому — коммуны его имени для беспризорных детей. Вблизи Харькова строился просторный дом, хозяйственные помещения, мастерские. Антону Семеновичу и колонии имени Горького поручили подготовить коммуны имени Дзержинского к открытию.

Коммуна была рассчитана первоначально на сто воспитанников. По просьбе ее организаторов, чтобы создать крепкий коллектив, в первый состав коммунаров колония имени Горького дала пятьдесят своих воспитанников, остальные были приняты с улицы. В декабре 1927 года состоялось открытие коммуны. До осени 1928 года Антон Семенович

заведывал и колонией имени Горького и коммуной имени Дзержинского.

У организаторов этой коммуны Антон Семенович с самого начала встретил полное одобрение своей педагогической системы, готовность пойти навстречу каждому его начинанию.

Далеко не таково было, однако, отношение к его методам со стороны сидевших в то время в Наркомпросе СССР чиновников и кабинетных «теоретиков» педагогики и лженауки педологии, извращавших педагогику как науку, в украинских педвузах и научно-исследовательских учреждениях. Этот, по удачному выражению Антона Семеновича, «педагогический Олимп» отрицательно относился к стремлениям Макаренко установить четкую дисциплину, развить в воспитанниках чувство долга и чести.

Хотя Макаренко вкладывал в эти понятия пролетарский смысл, «педагогический Олимп» решительно отвергал даже эти термины, независимо от того содержания, какое вкладывалось в них, утверждая, что категории долга и чести — это категории сугубо буржуазные. «Советская педагогика, — вещали они, — стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и склонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга».

Макаренко уже тогда, в 20-х годах, воспитывал у колонистов чувство чести колонии, отряда или коллектива. Как известно, советская педагогика воспитанию этого чувства придает огромное значение. Об этом говорится в пункте 20-м «Правил для учащихся», изданных в 1943 году. «Педагогический Олимп» решительно протестовал против такой установки Макаренко, обвиняя его в стремлении восстановить приемы воспитания в кадетских корпусах (кстати сказать, эти приемы были довольно хорошо разработаны и имели много целесообразного). Особенно ужасались некоторые профессора педагогики и педологии элементами военизации и введенной Макаренко символикой: знаменем колонии, военным строем, отрядами, рапортами, советом командиров, военными сигналами и салютами, беспрекословным подчинением колониста командиру отряда. Все эти элементы, способствовавшие установлению четкой дисциплины, презрительно именовались представителями «педагогического Олимпа» «командирской педагогикой».

Их возмущал, с одной стороны, авторитет педагога, ко-

торый установил Антон Семенович, а с другой — большие реальные права совета командиров, которые Антон Семенович умело сочетал с авторитетом педагога. Они понимали дисциплину только как «самодисциплину», без приказов, принуждения и запрещения педагога. Организация ими мыслилась только как детская «самоорганизация».

Придерживаясь теории «свободного воспитания», принесшей много вреда советской школе, они слащаво подходили к детям с лозунгами: «Дети — цветы жизни», «Относитесь к детству с благоговением», и возмущались требовательностью, и в нужных случаях даже здоровой суровостью Макаренко.

Эти и множество других нападок представителей украинского Наркомпроса сильно мешали работе Макаренко. Вспоминая о них в «Педагогической поэме», Антон Семенович писал: «Такие столкновения не имели, конечно, никаких горестных результатов для текущего дела, но они создавали вокруг меня невыносимое организационное одиночество, к которому, впрочем, можно и привыкнуть. Я уже научился понемножку каждый новый случай встречать с угрюмой готовностью перетерпеть, как-нибудь пережить»¹.

Антон Семенович так горячо любил созданную им колонию имени Горького, так сжился со своими воспитанниками, что эти помехи не могли заглушить общего впечатления счастья: «Как ни трудно было мне, как ни туманно было впереди, моя жизнь в это время была счастливой жизнью. Нельзя описать совершенно исключительное впечатление счастья, которое испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печалит, даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями. Коллектив горьковцев был для меня роднее коммунаров. В нем были крепче дружеские связи, больше людей с высокой себестоимостью... И горьковцам я был нужнее... у горьковцев, кроме меня и небольшой группы воспитателей, близких людей не было. И поэтому я никогда не думал, что настанет время и я уйду от горьковцев. Я вообще не способен был представить себе такое

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 534. Изд. 5-е. 1940 г.

сбытие. Оно могло быть только предельным несчастьем в моей жизни»¹.

А между тем это событие произошло довольно скоро. В Наркомпросе Украины орудовали в то время вредители — буржуазные националисты. Летом 1928 года Антон Семенович был вызван в Наркомпрос для отчета о своей работе. Он сделал подробный доклад, изложив основы своей системы воспитания и ее результаты в Ученом совете Наркомпроса. После пристрастного обсуждения доклада совет осудил систему А. С. Макаренко и вынес «резолюцию»: «Предложенная система воспитательного процесса есть система несоветская».

Встречая пренебрежение и враждебное к себе отношение со стороны Наркомпроса, Макаренко пользовался в то же время поддержкой представителей других советских учреждений: продкомиссаров, земельного отдела, губисполкома, работников ГПУ, умевших ценить приемы и результаты его воспитательной работы. Эта оценка сказалась в приглашении его заведывать созданной чекистами трудовой коммунной имени Дзержинского.

Особенно поддерживало Антона Семеновича внимательное и чуткое отношение к нему А. М. Горького. Когда весной 1928 года отношения с Наркомпросом Украины у Антона Семеновича обострились, он сообщил об этом Горькому. Алексей Максимович в письме от 9 мая 1928 года писал ему: «Горестное письмо Ваше получил... Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю... Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за своё дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи».

Нет, Антон Семенович не хотел вмешивать в это дело Горького, прибегать к его протекции. Он признавал свою правоту. Горький приехал в СССР вскоре после приведенного выше письма. В июле он посетил колонию своего имени. Посетил тогда, когда Антон Семенович после осуждения его воспитательной системы незадачливыми

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 543. Изд. 5-е 1940 г.

наркомпросовскими работниками решил уже уйти из колонии.

Ни одним словом, ни одним намёком не омрачил Антон Семенович радость свидания своего и колонистов с так долго ожидаемым Горьким. Ни одного слова не сказал он и своим любимым колонистам, но заблаговременно позаботился устроить взрослых колонистов-выпускников на работу в харьковских заводах и на рабфак.

Едва отошел поезд, увозивший Горького, Антон Семенович, проводив в вагоны пригородного поезда уезжавших в Куряж колонистов, сам отправился с колонной коммунаров в коммуну имени Дзержинского, передав под предлогом отпуска заведывание колонией имени Горького одному из своих сотрудников.

В Куряже он больше не появлялся...

III. КОММУНА ИМЕНИ ДЗЕРЖИНСКОГО

«12 лет трудились Вы, и результатам трудов нет цены... Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение на мой взгляд».

(Из письма А. М. Горького к А. С. Макаренко от 30 января 1933 года.)

Коммуна имени Дзержинского была открыта на окраине Харькова 29 декабря 1927 года.

Вначале в коммуне было сто шестьдесят воспитанников (в том числе тридцать девочек) в возрасте тринадцати-семнадцати лет. Шестьдесят из них были взяты из колонии имени Горького, для того чтобы создать организующее ядро.

Место для коммуны было выбрано очень удачно: опушка леса с одной стороны, открытое поле — с другой, фруктовый сад, цветники. Устроены площадки для тенниса и крокета. Дом был просторный, двухэтажный, простой архитектуры. Внутри много света и воздуха, паркетные полы, красивая отделка комнат, изящно-простая мебель.

Организаторы и шефы коммуны — чекисты, выделившие

из своей среды правление коммуны, не пожимали презрительно плечами по поводу приемов и методов воспитательной работы Макаренко, а, наоборот, доверяя его педагогическому таланту и мастерству, оказывали ему всяческую поддержку.

Восемь лет, с 1928 по 1935 год, проработал Антон Семенович в коммуне имени Дзержинского, сделав ее единственным в своем роде образцовым по постановке и поразительным по результатам воспитательным учреждением.

А. М. Горький в своем письме к Макаренко от 30 января 1933 года писал: «Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение на мой взгляд».

И это действительно так. Художественно-педагогические произведения Макаренко переведены на двенадцать языков. Коммуну имени Дзержинского посетило много тысяч людей — многочисленные делегации и отдельные лица, видные деятели всех областей жизни: рабочие Москвы, Ленинграда, Баку, участники автопробегов, летчики, артисты, педагоги, учёные СССР, делегации рабочих, педагогов, учёных всех стран, политические деятели, журналисты, писатели, деятели искусства.

Их записи в книге для посетителей коммуны имени Дзержинского единодушно свидетельствуют о громадном впечатлении от постановки воспитательной работы в коммуне. Особенно восхищались посетители ролью коллектива в этой воспитательной системе, постановкой трудового воспитания, дисциплиной коммунаров, распорядком всей жизни коммуны. Иностранцев буквально поражали трудовые достижения коммунаров, их дисциплина и организованность, высоко развитое чувство товарищества и глубокая любовь коммунаров к педагогам, их жизнерадостность, чувство человеческого достоинства, сдержанная и вместе с тем приветливая вежливость воспитанников.

В книге для посетителей — около трехсот шестидесяти записей на всех языках мира.

«Получил неизгладимое впечатление от коммуны имени Дзержинского...» пишет 7 ноября 1934 года папанинец, участник экспедиции на Северный полюс Э. Кренкель.

«Мы гордимся нашей родиной, только в которой могут быть подобного рода учреждения, создающие здоровое племя строителей социализма», пишет 14 июля 1936 года группа работников театра имени Немировича-Данченко,

отмечающая любовное отношение педагогов коммуны к детям и образцовую постановку воспитания.

Рабочая делегация лучших ударников одного из московских заводов оставляет 14 мая 1934 года запись: «Свежесть, здоровье, бодрость. Чистота, уют и опрятность. Производственники и общественники. Политики и организаторы. Вот что мы увидели».

Много записей оставили делегации и отдельные деятели США. Например: «Проведенная здесь воспитательная работа чрезвычайно интересна и поучительна». (Следует несколько подписей с пометкой: «Сан-Франциско, Калифорния».)

Делегация Латинской Америки, в которой были представители Мексики, Бразилии, Аргентины, Перу, посетив 20 августа 1929 года коммуну имени Дзержинского, пришла в восторг от постановки воспитательной работы в ней и оставила записи:

«Делегация Латинской Америки изумлена теми достижениями, которые имеются в первой пролетарской стране. Одним из лучших этих достижений является коммуна имени Дзержинского, где создается новый человек, где выковывается новая психология ребят...»

Можно было бы привести сотни таких отзывов. Их оставили люди, приезжавшие сюда из Франции, Америки, Англии, Канады, Египта и других стран. Горький несколько не преувеличивал, говоря, что педагогическая деятельность Макаренко и в колонии имени Горького и в коммуне имени Дзержинского имеет мировое значение.

В коммуне были организованы мастерские — деревообделочная, слесарная, токарная, швейная. Кроме удовлетворения нужд коммуны, первые три из этих мастерских уже с самого начала стали выполнять крупные заказы со стороны.

Начинали производство, используя отчасти наемных рабочих, число которых, по мере того как коммунары овладевали всеми процессами производства, сокращалось. Впоследствии взрослые наемные рабочие остались только в таких цехах, где работа для детей и подростков была непосильна (кузнечном, литейном и т. п.). Ребята получали зарплату по расценкам взрослых рабочих, четыре пятых из которой вносили в коммуну.

Уже к середине второго года своего существования

коммуна не только обходилась своими средствами, но стала создавать накопления, так как прибыль от мастерских с каждым месяцем возрастала: в апреле 1930 года она составляла тысячу рублей, в мае — 5 тысяч, в августе — уже 22 тысячи.

В дальнейшем на средства коммуны были построены два завода: электросверл и фотоаппаратов типа «лейка». То и другое производство были впервые поставлены в СССР. Работали там воспитанники, число которых впоследствии дошло до 600. Из взрослых состоял только инженерно-технический персонал и бухгалтерия.

Коммуна настолько хорошо поставила производство, что на 1 января 1934 года имела уже 3 600 тысяч рублей чистой прибыли. Коммунары хорошо овладели производственными операциями, которые (особенно в производстве фотоаппаратов) требовали очень тонкой работы (некоторые детали обрабатывались с точностью до 0,001 миллиметра). Воспитанники работали только 4 часа в день, остальное время уделяя учению в школе-десятилетке. Обучение в ней было обязательно. При ежедневных занятиях коммунары успешно овладевали курсом средней школы. Об этом свидетельствуют высокие результаты приемных экзаменов коммунаров при поступлении в вузы.

Высшим органом в коммуне было общее собрание коммунаров. Большую роль играл совет командиров производственных отрядов, на которые делились все коммунары (в отряд входили воспитанники разных возрастов по десять-пятнадцать человек). Во главе совета командиров стоял секретарь. На каждый день назначался дежурный по коммуне, обладавший на время своего дежурства правами уполномоченного от всего коллектива воспитанников. Дежурный по коммуне и дежурный член совета командиров ежедневно утром обходили все спальни коммунаров, проверяя их санитарное состояние и готовность коммунаров к работе. В каждой спальне их встречали рапортами командир отряда, расположенного в этой спальне, и дежурный по спальне. Все коммунары приветствовали вошедших, стоя «смирно» у своих мест.

Подъем, сбор к завтраку, выход на работу, сбор на обед, отход ко сну, сбор совета командиров и общего собрания производились по особому для каждого случая сигналу горниста.

Антон Семенович и коммунары умели ценить время. Деловые общие собрания занимали всего (со сборами) около получаса. Каждое выступление на собраниях продолжалось по одной-две минуты.

Ежедневно каждый командир отряда отчитывался рапортом. Большей частью рапорты были очень лаконичными: «В третьем отряде все благополучно»; иногда добавлялось: «Обратить внимание на такого-то» с указанием его проступка.

Совет командиров собирался по мере надобности. Оперативность, действенность совета командиров — боевого штаба коммуны — поддерживали высокий темп жизни коммуны. Антон Семенович присутствовал на всех этих собраниях. Жизнь была так налажена, направление ей дано настолько авторитетно и умело, что решения общего собрания и совета командиров не противоречили установкам Антона Семеновича.

Очень широко и разнообразно была поставлена в коммуне культурная внешкольная работа: технические образовательные и художественные кружки, клуб, театр, кино, библиотека.

Коммуна имела свой театр, где спектакли ставились как коммунарами, так и харьковскими артистами. Духовой оркестр коммунаров, насчитывавший шестьдесят человек, считался лучшим в Харькове.

Большое место в жизни коммунаров занимал спорт: лыжи, коньки, теннис и др. Особое внимание уделялось военному обучению. Когда коммунары в праздники проходили по городу, ими нельзя было не залюбоваться: с оркестром впереди, стройные здоровые юноши и девушки, мальчишки и девочки в красивой и вместе с тем простой одежде производили прекрасное впечатление.

Хорошо работая десять месяцев в году, коммунары умели красиво отдыхать в течение двухмесячных летних каникул. Весь состав коммунаров и педагогов во главе с Антоном Семеновичем совершал каждое лето туристские походы, ежегодно меняя маршруты.

Восьмилетняя работа А. С. Макаренко в колонии имени Горького была периодом создания и роста коллектива, как главной организующей формы воспитания, творческим процессом создания новых экономных и действенных методов воспитания. В борьбе за нового человека преодолевались в сознании и поведении людей пережитки старого.

В колонии имени Горького в исканиях новых форм и методов воспитания формировался как педагог и сам Макаренко.

Коммуна имени Дзержинского — это построенный по системе Макаренко воспитательный коллектив в действии, в расцвете его сил и возможностей; коллектив с уже сложившимися принципами, методами и даже традициями. Это уверенное применение талантливым педагогом того, что он выстрадал, продумал, проверил и установил, того, чему он всецело отдал свой огромный талант и энергию, всю свою жизнь.

Поэтому так изумительны достижения коммуны имени Дзержинского за короткие восемь лет ее существования.

Людям, не понявшим, не прочувствовавшим педагогической системы Макаренко, казалось, что эти достижения, описанные в книге «Флаги на башнях», преувеличены, приукрашены.

Возможно ли, чтобы подростки, почти дети, поставили впервые в СССР сложное производство электросверл и прекрасных фотоаппаратов «ФЭД», работая всего по четыре часа в день? Многим не верилось, что в течение восьми лет, получив на строительство лишь государственную ссуду на тот же срок и с теми же условиями погашения, как и всякое другое предприятие, коммуна построила и оборудовала два завода и полностью окупила содержание нескольких сот ребят и педагогического персонала, построила ряд зданий, развернула широкую культурную работу.

Возможно ли, чтобы, работая на сложных производствах, ребята в установленный срок получали полноценное среднее образование?

Возможно ли, чтобы в очень короткий срок бывшие беспризорники превращались в новых людей, прекрасных работников, настоящих граждан социалистического общества?

Да, это не сказка! Вот фотографии корпусов и цехов этих заводов, снятые фотоаппаратами «ФЭД», сделанными руками коммунаров в этих же цехах.

Вот выписка из бухгалтерского баланса коммуны имени Дзержинского на 1 января 1934 года, через пять лет со дня ее основания: 3 600 тысяч рублей чистой прибыли.

Вот предо мною раскрытая книга посетителей «Трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского», полная восторженных отзывов о коммуне и коммунарах тех тысяч людей со всех концов мира, которые видели эту коммуну воочию.

И вот, наконец, самое ценное, что дала коммуна имени Дзержинского, как педагогическая система А. С. Макаренко в действии: ее бывшие воспитанники — граждане СССР; военные, инженеры, врачи, педагоги, квалифицированные рабочие-стахановцы, отважные, награжденные орденами борцы с немецко-фашистскими захватчиками.

А пришли в коммуну эти люди, как говорит Антон Семенович в «Флагах на башнях», «испорченными капиталистической «культурой» с маленьким «креном в уголовщину». Антон Семенович так описывает пройденный им путь.

«Необыкновенным и ошеломляющим в этом зачине было одно: Октябрьская революция; и новые горизонты мира. И поэтому Захарову¹ и его друзьям задача казалась ясной: воспитать нового человека! В первые же дни выяснилось, что дело это очень трудное и длинное. Тысячи дней и ночей без передышки, без успокоения, без радости пришлось пережить Захарову, но и после этого до нового человека оставалось еще очень далеко. К счастью, Захаров обладал талантом, довольно распространенным на восточной окраине Европы, — талантом оптимизма; прекрасного порыва в будущее...

И Захаров прошел такой тяжелый путь—путь оптимиста. Новое рождалось в густом экстракте старого: старых бедствий, голода, зависти, озлобления — толкотни и тесноты человеческой, и еще более опасных вещей: старой воли, старых привычек и старых образцов счастья. Старого обнаружилось очень много; и оно не хотело умирать мирно, оно топорщилось, становилось на пути, наряжалось в новые одежды и новые слова, лезло под руки и под ноги, говорило речи и сочиняло законы воспитания...

Было время, когда это старое в самых новых выражениях куражилось и издевалось над работой Захарова и тут же требовало от него чудес и подвижничества. Старое ставило перед ним сказочно глупые загадки, формулируя

¹ В лице Захарова Антон Семенович в «Флагах на башнях» изобразил себя.

их в научно-нежных словах, а когда он совсем не по-сказочному изнемогал, старое показывало на него пальцами и кричало: «Он потерпел неудачу!»

Но пока происходили все эти недоразумения, протекали годы, и было уже много нового, над чем хорошо стало задуматься. Со всех сторон, от всех событий в стране, от каждой печатной строки, от всего чудесного советского роста, от каждого живого советского человека приходили в колонию идеи, требования, нормы и измерители.

Да, все пришлось иначе назвать и определить, новой мерой измерить. Десятки и сотни мальчиков и девочек вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидуумами. Захаров теперь знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием: «Будьте настоящими людьми!»

Они с молодым благородным талантом принимали эти требования и хорошо знали, что в этом требовании больше уважения и доверия к ним, чем в любом «педагогическом подходе». Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины. Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать ее первые плоды.

Старое цепко держалось на земле, и Захаров то и дело сбрасывал с себя отжившие предрассудки. Только недавно он сам освободился от самого главного педагогического порока: убеждения, что дети есть только объект воспитания. Нет, дети — это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним, как к товарищам-гражданам, нужно видеть и уважать их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности.

И тогда Захаров предъявил к ним последнее требование: никаких срывов, ни одного дня разложения, ни одного момента растерянности! Они с улыбками встречали его строгий взгляд: в их расчеты тоже не входило разложение.

Наступили годы, когда Захарову уже не нужно было нервничать и с тревогой просыпаться по утрам. Коллектив жил напряженной трудовой жизнью, но в его жилах пульсировала новая, социалистическая кровь, имеющая способность убивать вредоносные бактерии старого в первые моменты их зарождения¹.

¹ А. С. Макаренко, Флаги на башнях, стр. 135—136, 1939 г

IV. МАКАРЕНКО-ПИСАТЕЛЬ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

«На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души».

«На мой взгляд, «Поэма» очень удалась Вам...»

(Из писем Горького к А. С. Макаренку. 1932—1933 годы.)

А. С. Макаренко оставил большое литературное наследство. Далеко не все, написанное им, напечатано, хотя количество уже напечатанных произведений Антона Семеновича (книг, рассказов, статей) достигло восьмидесяти.

Свое замечательное произведение «Педагогическую поэму» Макаренко начал в 1925 году. Первую часть ее он закончил в 1928 году, но не решился тогда показать ее Горькому.

Прошло пять лет, в течение которых он продолжал работать над своей «Поэмой». Первая часть ее была напечатана в 1933 году в «Альманахе», а последующие части в 5-й и 8-й книгах журнала за 1933 и 1935 годы. Затем быстро последовали ее отдельные издания в том же 1935, 1937 (два издания) и 1940 годах.

Прежде чем выпускать в свет «Педагогическую поэму», Антон Семенович написал небольшую книгу «Марш тридцатого года», в которой дал очерки коммуны имени Дзержинского.

Рукопись пролежала в издательстве два с лишним года и, как указывает Макаренко, неожиданно для него была напечатана в 1932 году.

«Я не встретил ее, — пишет Антон Семенович, — ни в одном магазине, я не прочитал о ней ни одной строчки в журналах и газетах, я не видел ее в руках читателей, вообще эта книжонка как-то незаметно провалилась в небытие. Поэтому я был несказанно удивлен и обрадован, когда в декабре 1932 года получил из Сорренто (от Горького) письмо, начинающееся так: «Вчера прочитал Вашу книжку «Марш тридцатого года», читал с волнением и радостью...» После этого Алексей Максимович уже не отпустил меня. Еще около года я сопротивлялся и все боялся представить ему «Педагогическую поэму» — книгу о моей

жизни, о моих ошибках и о моей маленькой борьбе. Но он настойчиво требовал: «Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу...» В теплые места я не поехал: — некогда было, но поддержка и настойчивость Алексея Максимовича преодолели мою трусость: осенью 1930 года я привез ему свою книгу — первую часть».

А. М. Горький высоко оценил «Педагогическую поэму», назвав ее одним из замечательных произведений советской художественной литературы. Ею зачитывались и молодежь и старики. На нее в библиотеках записывались длинные очереди. Она вызвала поток писем к Антону Семеновичу со всех концов СССР.

Это книга безграничной любви к человеку, раскрывающая огромные силы и возможности человека-борца. Она будит волю к жизни и деятельности, показывает, как «шествует мятежный человек вперед и выше, все вперед и выше». Она наполняет читателя огромной радостью трудовой жизни; на многочисленных примерах колонистов, таких разных по своему характеру, показывает, что «человек ценен своим сопротивлением силе жизни».

Неудивительно поэтому, что среди многих сотен писем-откликов на этот гимн человеку есть письмо читательницы, которая пишет, что она, испытав тяжелые потрясения в жизни, была близка к самоубийству, но «Педагогическая поэма» вернула ей желание жить, окрылила ее на деятельность, открыла ей смысл жизни.

А. С. Макаренко вдохновенно рисует красоту и силу человека, увлекательность творческого человеческого труда.

«Педагогическая поэма» — это гимн Великой Октябрьской революции, которая, как говорит сам Антон Семенович, открыла ему невиданные перспективы. В «Педагогической поэме» Макаренко показал, как человек, отягощенный наследием старого мира, одичавший в своем своеволии и конфликте с эксплуататорским обществом, перевоспитывается в условиях советской действительности, когда впервые для каждой человеческой личности создана возможность счастья в единении с другими, в дружном и радостном совместном труде, когда создалось «единство движения и работы, ответственности и помощи», как говорил Макаренко.

Это волнующая книга, показывающая громадное значение и великие возможности советского воспитания. Она будит любовь к воспитательной работе. В трудные дни

сомнений и неуверенности в своих силах «Педагогическая поэма» поддерживала тысячи молодых педагогов, окрыляла их стремлением преодолеть временные затруднения. Многих эта книга заставила полюбить профессию учителя.

Макаренко возвел советскую педагогику на ступень подлинной поэзии; поэтому книга его с полным правом называется «Педагогической поэмой».

Написанная очень живо, образно, правдиво, с большим юмором, книга дает тонкие психологические характеристики педагогов, сотрудников и воспитанников колонии имени Горького.

Особенность литературного творчества А. С. Макаренко заключается в том, что он всегда идет от поступка и поведения действующего лица, от эпизода к раскрытию его психологии.

Как большой художник и психолог, А. С. Макаренко несколькими штрихами, умело построенным диалогом, почти без пояснительных авторских замечаний и описаний ярко раскрывает внешний облик, характер и переживания действующих лиц, своеобразие и разнообразие педагогических воздействий. Необычайно сильна психологическая убедительность каждого портрета и каждого эпизода. Недаром Горький говорил, что Антон Семенович умел обрисовать каждого колониста пятью словами и притом так, как будто делал фотографический снимок с его характера.

Приведем в качестве примера случай с Опришко:

«Из коллектора он (Опришко) ни за что не хотел отправляться в колонию, и мне пришлось лично ехать за ним. Он встретил меня, лежа на кровати, презрительным взглядом:

— Пошли вы к чорту, никуда я не поеду!

Меня предупредили о его героических достоинствах, и поэтому я с ним заговорил очень подходящим тоном:

— Мне очень неприятно беспокоить вас, сэр, но я принужден исполнить свой долг и очень прошу вас занять место в приготовленном для вас экипаже.

Опришко был сначала поражен моим «галантерейным обращением» и даже поднялся с кровати, но потом прежний каприз взял в нем верх, и он снова опустил голову на подушку.

— Сказал, что не поеду!.. И годи!

— В таком случае, уважаемый сэр, я, к великому сожалению, принужден буду применить к вам силу.

Опришко поднял с подушки кудрявую голову и посмотрел на меня с неподдельным удивлением.

— Смотри ты, откуда такой взялся? Так меня и легко взять силой!

— Имейте в виду...

Я усилил нажим в голосе и уже прибавил к нему оттенок иронии:

— ...дорогой Опришко...

И вдруг заорал на него:

— Ну, собирайся, какого чорта развалился! Вставай, тебе говорят!

Он сорвался с постели и бросился к окну:

— Ей-богу, в окно выпрыгну!

Я сказал ему с презрением:

— Или прыгай немедленно в окно, или отправляйся на воз, мне с тобой волынить некогда.

Мы были на третьем этаже, поэтому Опришко засмеялся весело и открыто.

— Вот прицепились! Ну что ты скажешь? Вы заведующий колонией Горького?

— Да.

— Ну так бы и сказали! Давно б поехали.

Он энергично бросился собираться в дорогу.

Небольшая сценка, а как она динамична! Сколько в ней действия и психологических переходов!

Вы как будто видите перед собой все движения действующих (именно действующих, а не описанных) лиц, слышите быстро меняющиеся переходы интонаций их голосов. И понимаете, убеждаетесь, что именно так надо было воздействовать на этого Опришко.

Таких психолого-педагогических сценок, чарующих педагогическим мастерством умело найденного воздействия и литературным мастерством художественного изображения их в «Педагогической поэме» много (случай с Карабашевым — подход доверия; случай с Марусей Левченко — выражение недоверия; эпизод обеда прогульщика Криворучко — воздействие всего коллектива колонистов и т. д.).

Как живые, встают перед вами Бурун, Задоров, Карабашев, Ховрах, Калина Иванович, Отченаш, Шере, супруги Осиповы, представители «педагогического Олимпа», то «корректно-кабинетно теоретизирующие», как профессор Чайкин, то язвительно враждебные, как «товарищ Зоя» или Брегель.

Антон Семенович любил говорить, что человек неповторим, и дал в соответствии с этим богатую галерею образов. Каждый человек у него оригинален, сохраняет свою индивидуальность, и в то же время все колонисты, педагоги, сотрудники колонии живут едиными стремлениями. Это сочетание коллективного и индивидуального составляет особую прелесть в «Педагогической поэме», как художественном произведении. То же единство коллективного и индивидуального авторитета педагога и больших прав коллектива, свободы и необходимости общественного долга и личного интереса составляет характерную особенность всей педагогической системы Макаренко.

«Педагогическая поэма» правдива. Это книга о громадных исканиях и достижениях, но вместе с тем Макаренко не боится показывать ошибки и срывы, не скрывает больных мест, не подкрашивает действительности. Наоборот, о тяжёлых эпизодах жизни колонии он говорит подробно, а о достижениях говорит просто и с какой-то особенной макаренковской сдержанностью.

В своих отношениях с колонистами А. С. Макаренко был честен и мужествен. Он не скрывал от них трудностей, учил своих воспитанников, что жизнь трудна, но радуется только тех, кто умеет преодолевать трудности. Макаренко и его воспитанники не останавливались перед трудностями, не избегали их, наоборот: шли им навстречу. В этом отношении самый яркий пример — переселение в Куряж. «Чем труднее, тем лучше», «Не пиццать» — эти бодрые призывы стали девизом всей жизни колонии.

«Педагогическая поэма» — это книга большого, глубокого социалистического гуманизма, жизнерадостного мироощущения, книга о больших возможностях, силе и красоте человека — о самом главном, что мы привыкли ценить в человеке, по выражению Антона Семеновича.

Макаренко умеет находить глубокие, лирические слова, когда говорит о своих воспитанниках, которым он отдал свою большую, красивую любовь. Он не восторгается, не вздыхает, но с обычной своей сдержанностью тепло вспоминает о них, и именно эта сдержанная любовь, избегающая сильных слов, обнажающих признаний, производит впечатление большой внутренней силы.

«Мои горьковцы тоже выросли, разбежались по всему советскому свету, для меня теперь трудно их собрать даже в воображении. Никак не поймашь инженера Задорова,

зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовешь на свиданье врача Особой Дальневосточной Вершнева или врача в Ярославле Буруна. Даже Нисин и Зорень, на что уже пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только у них теперь не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских аэропланов...»

Одинаково хорошо удаются Антону Семеновичу сцены, полные юмора (приход в колонию сватов, изображение спектакля «Азеф», отрезвление пьяных помольщиков, угощение на свадьбе Ольги Вороновой и др.), драматические эпизоды, психологические характеристики, ирония по адресу представителей «педагогического Олимпа».

В «Поэме» нет однообразия, трафарета, надуманных диалогов, привычных для писателя приемов. Она вся искрится блесками юмора и жизнерадостности, разнообразием типов, остротой эпизодов, радуется прекрасным художественным словом, волнует сильными переживаниями действующих лиц.

В 1935 году Антон Семенович оставил работу в коммуне имени Дзержинского, переехал, сначала не надолго, в Киев, затем в Москву и с присущей ему энергией занялся кипучей литературной работой, выполняя завет А. М. Горького, который еще в 1933 году писал ему: «...о неопценных трудах Ваших никто не знает, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете».

«Педагогическая поэма», как уже сказано, вызвала огромный поток писем к Антону Семеновичу от учителей и особенно родителей. Они спрашивали его советов, делились с ним своими тревогами и неудачами, просили указаний, как поступить в конкретных трудных случаях воспитательной практики.

Антон Семенович часто выступал на собраниях учителей и родителей в Москве и Ленинграде с докладами по отдельным вопросам воспитания, консультировал родителей, обращающихся к нему непосредственно, писал педагогические статьи.

Семейное воспитание, роль семьи в воспитании детей были в то время наименее разработанными в педагогике вопросами. Об этом ясно говорили бесчисленные письма родителей к Антону Семеновичу. Эти письма, выступления его на собраниях родителей, огромное количество записок родителей после каждого такого выступления, личные бе-

седы с ними, раскрывавшие большие вопросы семейной жизни и семейного воспитания, дали Антону Семеновичу огромный материал и натолкнули его на мысль написать книгу о семейном воспитании.

Так родилось второе большое литературное произведение Антона Семеновича — «Книга для родителей», напечатанная в журнале «Красная новь» в 1937 году и вышедшая в том же году отдельным изданием.

В этой книге дан тонкий психолого-педагогический анализ различных приемов семейного воспитания, типов детей и родителей. Часть описанных случаев вскрывает ошибки семейного воспитания. Картинки взаимоотношений родителей и детей, зарождения отрицательных черт у детей и развития их вследствие неправильного воспитания даны с характерной для Макаренко живостью, образностью и тонким психологическим анализом. Бытовые эпизоды перемежаются с интересными теоретическими рассуждениями и указаниями автора.

В 1937 году журнал «Октябрь» начал печатать роман Макаренко «Честь», в котором, как уже сказано, охарактеризованы родители А. С. Макаренко и рабочий поселок, в котором он провел свое детство.

В следующем, 1938 году в журнале «Красная новь» напечатана повесть Антона Семеновича в трех частях — «Флаги на башнях», художественно изображающая жизнь и работу коммуны имени Дзержинского.

В «Педагогической поэме» дано возникновение и становление воспитательного коллектива, искание методов воспитания. В «Флагах на башнях», как бы завершающих «Педагогическую поэму», изображены большие педагогические и материальные достижения уже окрепшего, торжествующего воспитательного коллектива.

В 1937 году Антон Семенович пишет ряд статей и работает над книгой по методике коммунистического воспитания, о которой он мечтал в заключительных словах «Педагогической поэмы»:

«И может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книгу «Методика коммунистического воспитания».

В этой работе он главное внимание уделил коллективу как воспитательному фактору.

В следующем, 1938 году в разных журналах и газетах напечатаны четыре рассказа Антона Семеновича, 14 статей

и «Флаги на башнях». Он выступает и как детский писатель с целым рядом рассказов в журналах «Колхозные ребята», «Смена», «Дружные ребята», «Молодой колхозник».

В этой огромной, кипучей работе Антону Семеновичу энергично помогала его друг и жена, чуткий педагог Галина Стахиевна Макаренко. Особенно значительна роль Галины Стахиевны при создании «Книги для родителей». Она была соавтором этой книги.

За большие заслуги в области литературной деятельности советское правительство наградило А. С. Макаренко 1 февраля 1939 года орденом Трудового Красного Знамени.

Увлеченный литературной работой и обобщением своего педагогического опыта, всецело отдавшись этой деятельности, Антон Семенович не щадил себя, не думал об отдыхе, в котором сильно нуждался его утомленный, надорванный многолетним трудом организм.

1 апреля 1939 года неожиданно оборвалась неутомимая, прекрасная жизнь. Он умер внезапно, на вокзале, возвращаясь в Москву из пригородного дома отдыха писателей.

Проститься с Антоном Семеновичем пришли в зал Союза советских писателей тысячи людей. Съехались со всех концов страны его воспитанники — командиры Красной Армии, инженеры, врачи, аспиранты научных институтов, педагоги, журналисты, ученики военных училищ.

Они несли почетный караул у гроба своего друга и учителя, сплотившись, как раньше, в большую дружную, но теперь уже осиротевшую, семью. Как раньше, они собрали совет командиров и взяли на себя всю организацию похорон.

Из многочисленных речей у гроба Антона Семеновича особенно сильное впечатление на собравшихся произвела речь его бывшего воспитанника А. М. Тубина (по «Педагогической поэме» — Ужикова). Он сказал:

«Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему был всего 51 год. Мой отец по крови бросил мою мать, когда мне было четыре года. Я его не помню, я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом был Антон Семенович. Ни разу в жизни Антон Семенович не похвалил меня; он всегда меня ругал¹.

¹ Слово «ругал» надо понимать, конечно, в переносном смысле: укорял, упрекал.

Даже в своей книге «Педагогическая поэма» он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я стал теперь инженером. Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал... Он требовал неукоснительного исполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великим гуманистом. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым... Макаренко воспитал тысячи славных граждан Советского Союза. Его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями. Среди них есть орденосцы, лучшие люди нашей страны.

Вы знаете, каким почетом окружено имя Коробова, вырастившего сынов — героев труда. Что же сказать об Антоне Семеновиче Макаренко, давшем стране тысячи ее достойных граждан, десятки героев.

Вы понимаете, товарищи, что я испытываю сегодня, что значит потерять такого отца...»

У. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МАКАРЕНКО

«Только Октябрьская революция впервые в истории мира дала возможность родиться настоящему, принципиально чистому, нестыдному счастью».

(А. С. Макаренко, Счастье.)

«Решающим является горьковский оптимизм... Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать... Сколько трагедий рождается в жизни только потому, что «нет человека».

(А. С. Макаренко, Горький в моей жизни.)

В творчестве каждого крупного писателя и педагога какое-то положение (и вытекающие из него следствия) является наиболее характерным, определяющим. В каждой

педагогической системе какое-то положение, идея, принцип является исходным. Из него последовательно развивается все остальное в этой системе.

Кто не нашел или не понял этого исходного положения, не проникся им, тот не понял главного в данной педагогической системе. Как бы он ни старался применять ее отдельные элементы в своей воспитательной практике, следовать приемам этой системы и т. д., он без понимания ее сущности будет подбирать только ее отдельные штрихи.

В этом как раз и заключалась коренная ошибка тех многочисленных педагогов, которые пытались «следовать Макаренко», вводя в своих воспитательных учреждениях «отряды» и «рапорты», не создав крепкого коллектива, «символику Макаренко», самообслуживание и прочее, не поняв, не усвоив главного в его системе и разочарованно удивляясь потом, что «система Макаренко» не дала ожидаемых результатов. Так «применять» систему Макаренко это значит извращать ее.

В этом заключалась ошибка даже тех педагогов, которые считали, что главное в системе Макаренко — труд. Достигнув некоторых успехов в организации коллектива воспитанников и их трудовой деятельности, они останавливались на первой стадии этой организации (например, на обеспечении коллективным трудом материальной базы детского дома), полагая, что они полностью применили систему Макаренко.

Материальная база при этом создавалась, к труду воспитанники приучались, но всё же воспитательного макаренковского воздействия, переделывающего сознание подростков на всю жизнь, не получалось.

Педагогическая система Макаренко — это осуществление учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о воспитании. Из этого учения она берет цели воспитания, взгляд на личность и общество, социалистический гуманизм, основы коммунистической морали, принцип соединения умственного и физического труда.

В законах диалектического материализма Макаренко ищет и находит разрешение противоречий: личность и общество, свобода и необходимость, обязанность и право, авторитет, власть педагога и полномочия, права коллектива, требовательность и любовь, не противопоставляя их друг другу, а находя их единство.

Великая Октябрьская революция создала социальные и материальные условия для полного осуществления этого единства. Поэтому так радостно, с таким энтузиазмом встретил Макаренко Октябрьскую революцию. В статье «Счастье»¹ Макаренко писал: «Великая Октябрьская революция — это небывалые в истории сдвиги в жизни отдельных людей, в жизни нашей страны, в жизни всего мира. Невозможно перечислить те изменения, которые она принесла в историю человечества». Отметив, что только Октябрьская революция открыла возможность полного счастья, Антон Семенович писал: «Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе. Мы познакомились с радостью человеческого единения без поправок и исключений, вызванных соседством богача. Мы научились быть счастливыми в знании, потому что знание перестало быть привилегией грабителей. Мы научились быть счастливыми в отдыхе, потому что мы не видим рядом с собой праздности, захватившей монополию стдыха. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей страны, потому что теперь эта страна наша, а не нашего хозяина».

Педагогическая система Макаренко — это детище Октябрьской революции, это часть настоящей советской педагогики, а именно — методики коммунистического воспитания. В этом именно смысле Антон Семенович утверждал, что нет какой-то особой системы Макаренко, а у него система «обыкновенная, советская».

В основе педагогической системы Макаренко лежит проблема личности и общества. Правильное решение этой проблемы, как указывает А. С. Макаренко, следуя учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, возможно только в социалистическом обществе. Поэтому Макаренко с таким энтузиазмом встретил Октябрьскую революцию; поэтому он подлинное счастье отдельного человека считает возможным, как мы видели из приведенной выше цитаты, только в социалистическом обществе; поэтому главное внимание в своей педагогической системе уделяет коллективу.

Стремясь воспитать молодое поколение, способное построить и окончательно утвердить новое общество, Мака-

¹ «Известия ЦИК СССР» от 7 ноября 1937 г., № 260.

ренко ближайшим положением берет сталинский социалистический гуманизм. «Вспомните, — пишет Макаренко в «Книге для родителей», — слова гениального садовника, товарища Сталина: «Людей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодородное дерево». Этот социалистический гуманизм всегда рассматривается Антоном Семеновичем в свете взаимоотношений личности и общества.

Как художник слова Макаренко к пониманию социалистического гуманизма пришел на заре своей педагогической деятельности через проникнутое этим гуманизмом творчество Горького.

Определяя свои позиции, Антон Семенович в статье «Горький в моей жизни», говорит:

«Я принужден был обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому... И сейчас советую начинающему воспитателю читать книги Горького. Конечно, они не подскажут метода, не разрешат отдельных «текущих» вопросов, но они дадут знание о человеке... дадут человека в великолепном обобщении и, что особенно важно, в обобщении марксистском».

Горький научил Антона Семеновича ценить и любить человека, видеть в человеке огромные силы и возможности. Из социалистического советского строя, создающего условия для проявления подлинного гуманизма, из уверенности в величайших возможностях человека, из большого уважения к человеку рождается в педагогической системе Макаренко целый ряд следствий, методов, приемов.

Он говорит: «Моим основным принципом всегда было — как можно больше требований к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же: нельзя требовать большого от человека, которого не уважаешь»¹.

Исходя из этого, Антон Семенович видел в каждом присланном к нему подростке не правонарушителя, а человека с большими возможностями и силами, но лишь исковерканного неблагоприятно сложившимися для него обстоятельствами. «Десятки и сотни мальчиков и девочек

¹ А. С. Макаренко, Некоторые педагогические выводы из моего опыта. «Учительская газета», 1940 г., № 159.

вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидами. Захаров (то есть сам Макаренко) теперь знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием: «Будьте настоящими людьми»¹.

Социалистический гуманизм тесно связан у него с социалистическим оптимизмом. Это настолько важное исходное положение системы Макаренко, что мы должны остановиться на нем подробнее.

В начале второй части «Флагов на башнях» Макаренко подробно говорит об этом социалистическом оптимизме: «К счастью, Захаров (то есть сам Макаренко) обладал талантом, довольно распространенным на восточной окраине Европы, — талантом оптимизма, прекрасного порыва в будущее. В сущности, это даже и не талант. Это особое, чисто интеллектуальное богатство русского человека, человека с здоровой башкой и зорким глазом, умеющего различать ценности».

Далее Антон Семенович дает тонкий, глубокий анализ искажения оптимизма в дореволюционное время: хозяева жизни до Октябрьской революции превратили эту ценную черту русского человека — оптимизм — в беззаботность, в «авось, небось и как-нибудь», в наивность и умиление.

И только Октябрьская революция показала, что народный оптимизм — это нечто более сильное и ценное; советский человек показал себя не только способным на взрыв и порыв, но и на терпеливое, ежедневное напряжение, на черную невидную работу, благодаря которым начинает просвечивать прекрасное будущее. Настоящий, здоровый оптимизм стал реальной уверенностью в результате человеческих усилий, упорного труда, человеческой мысли и знаний.

Макаренко признается, что он прошел «путь оптимиста» в своих исканиях. Этот оптимизм поддерживал его в наиболее трудные периоды его работы, когда другому могло показаться, что напрасны все усилия, что правонарушителей не переделаешь, и т. п. Этот оптимизм лежит в основе его отношений к воспитанникам.

Поясняя основы своей системы, Макаренко говорит:

«Решающим является горьковский оптимизм... Хорошее

¹ А. С. Макаренко, Книга для родителей, стр. 13. 1937 г.

в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже с некоторым риском ошибиться. И вот этому уменью проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького. Горький умеет видеть в человеке положительные силы, но он никогда не умиляется перед ними, никогда не понижает своего требования к человеку и никогда не остановится перед самым суровым осуждением.

Такое отношение к человеку есть отношение марксистское»¹.

Оптимизм Макаренко ничего общего не имеет с самоотком и самоуспокоенностью («все образуется»), с беззаботностью («авось, небось да как-нибудь»), с созерцательной умиленностью («все прекрасно в этом лучшем из миров»). Оптимизм Макаренко — это бодрое, деятельное, могучее сознание силы человека, объединенного с другими людьми в дружный, сильный коллектив, это — нужное чувство жизнерадостности, воля к борьбе и победе.

С этими, уже рассмотренными нами основами педагогической системы Макаренко тесно связана у него требовательная любовь к детям. «Как можно больше требований к человеку, но вместе с тем и как можно более уважения к нему». Это требование-уважение к человеку не индивидуалистическая позиция абстрактного педагога-гуманиста, а существующее в советском строе отношение к человеку-гражданину.

Антон Семенович предостерегает воспитателей и родителей от сентиментального любования ребенком.

Педагоги любили повторять: «Дети — цветы жизни». Но с иронией говорит Макаренко: «Скоропалительные в суждениях сентиментальные люди не дали себе труда задуматься над этими прекрасными словами. Если сказано «цветы», значит нужно цветами любоваться, ахать, носить, нюхать, вдыхать»². Он резко отрицательно относился к представителям «теории свободного воспитания», умиленно лепетавшим или с восторгом восклицавшим: «Относитесь к детству с благоговением».

У А. С. Макаренко, в противоположность им, была трез-

¹ А. С. Макаренко, Максим Горький в моей жизни. Альманах, год XIX. 1936.

² А. С. Макаренко, Книга для родителей, стр. 13. 1937 г.

это вая, разумная (а не только эмоциональная), требовательная любовь к детям, чуждая какой-либо идеализации и мистической веры в какую-то «благостную природу» ребенка. Против умиления и преклонения перед детьми, развивающихся у них эгоизм, лень, барство, избалованность и расхлябанность, он протестовал самым решительным образом. Базируясь на словах товарища Сталина: «Людей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое деревцо», А. С. Макаренко требует, чтобы к детям — «цветам жизни» — подходили с учетом того, какие плоды могут развиваться из этих цветов.

«Поэтому, — говорил он, — не набрасывайтесь на цветы с одними вздохами и поцелуями, возьмите в руки лопату, ножницы, лейку, достаньте лестницу, а когда в вашем саду появится гусеница, возьмите парижскую зеленку. Не бойтесь, побрызгайте немножко, пусть даже цветам будет чуточку неприятно»¹.

Сам Антон Семенович глубоко любил детей, но никогда с ними не сентиментальничал. Самым большим проявлением его ласки была как бы невзначай положенная на плечо колониста рука, мимоходом поглаженная головка малыша.

Воспитанники его привыкли также сдержанно выражать свою большую любовь; однако в этой почти стылливой сдержанности чувствовалась большая внутренняя сила. «Я прожил с ними восемь лет, многие ко мне относились любовно, но ни разу за эти годы никто из них не был со мною нежен в обычном смысле. Я умел узнавать их чувства по признакам, мне одному известным: по глубине взгляда, по краске смущения, по далекому вниманию из-за угла, по чуть-чуть охрипшему голосу, по прыжкам и бегу после встречи»².

Не постоянная суровость в обращении с детьми и не расслабленно-сентиментальное заласкивание их, но «чувство меры в любви и строгости, в ласке и суровости» нужны в отношении к детям, говорит Макаренко. К детям надо предъявлять твердые, четкие и достаточно большие (но посильные, хотя бы и с некоторым напряжением) тре-

¹ А. С. Макаренко, Книга для родителей, стр. 14. 1937 г.

² А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 552. Изд. 5-е, 1940 г.

бования, добиваясь выполнения их во что бы то ни стало, неукоснительно. Это отношение будет способствовать воспитанию у них мужества, выносливости, приучит их к борьбе.

Как вывод из всех изложенных выше основ, вытекало далее его требование изучения каждого воспитанника и в то же время резко отрицательное отношение к лженауке — педологии, которая, объявив себя наукой об изучении детей, в действительности применяла порочные, неправильные методы этого изучения (тесты, нелепые анкеты) и клеветала на детей, зачисляя большое число их в разряд отсталых, дефективных и т. д. Педологи проводили среди учащихся антинаучные обследования, имевшие целью доказать, якобы с «научной» точки зрения, наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости ученика или плохого его поведения.

Педологи оттесняли учителей-педагогов от учащихся, заявляя, что только они, педологи, могут изучать детей. Они захватили в свои руки организацию школьного режима, контроль за политическими воззрениями учащихся, определение причин неуспеваемости, удаление из школ неуспевающих учащихся, определение профессии оканчивающих школу и т. п. Таким образом педологи не только встали между педагогами и детьми, создав вредное средо-
стение, но и учинили контроль над педагогами. Этим самым роль и ответственность педагогов была снижена.

В результате вредной работы педологов значительное число детей объявлялось «дефективными», «отсталыми», «трудными» и т. п. и направлялось из нормальных школ в «специальные» школы для трудновоспитуемых, где никакой серьезной исправительной работы не велось, вследствие чего дети, направленные сюда, действительно приобретали дурные навыки и склонности и становились трудноисправимыми.

Главным «законом» педологии был «закон» фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды. Педологи клеветали на детей, заявляя, что судьба того или другого воспитанника predetermined дурной наследственностью, семейными условиями и т. п. Этим они понижали у детей уверенность в силах и возможностях, убивали стремление к учению и труду.

Эта лженаука принесла огромный вред школе и была решительно осуждена постановлением Центрального Комитета партии в июле 1936 года.

Антон Семенович умел поразительно верно, быстро и незаметно изучать детей. Об этом говорил Горький. Об этом же умении изучить каждого воспитанника говорят нам многие страницы «Педагогической поэмы», «Флагов на башнях» и «Книги для родителей».

Макаренко изучал своих воспитанников путем психолого-педагогического наблюдения их во время работы и отдыха, ученья и игр, поведения на собрании, на прогулке, в столовой, беседы с товарищами. Он был замечательным психологом и педагогом, не только изучавшим своих воспитанников, но и умевшим по отношению к каждому применить особый подход в соответствии с особенностями его характера.

К расхлябанному Ховраку, стоящему в презрительно развязной позе, он обращается с короткими, падающими, как камни, приказами: «Ховрах, подойди ближе!», «Стань прямо!» и т. д. К другому подходит с иронией, на третьего производит ошеломляюще сильное впечатление методом доверия (сцена с Карабачевым), на четвертого производит сильное влияние временным лишением доверия (сцена с Марусей Левченко) и т. д.

Позиции Макаренко и лженауки педологии были резко различны. Макаренко глубоко верил в творческие силы человека; он был убежден, что правильно поставленным воспитанием можно пробудить к жизни эти силы. Педология же со своим основным «законом» фаталистической обусловленности и обреченности детей убивала в педагоге уверенность в результатах его труда, а у ребенка — веру в свои силы.

Макаренко мало интересовался прошлым даже детей-правонарушителей, все свое внимание он обращал в будущее их. Педология, наоборот, проявляла повышенный интерес к прошлому не только детей, но и их предков, вплоть до прадедов и прабабок.

Макаренко глубоко изучал воспитанников путем наблюдения их в жизни и относился крайне отрицательно к педологическим кабинетам и порочным искусственным «методам» изучения детей, применявшимся в педологии — к тестам, анкетам и т. п.

В «Флагах на башнях» Макаренко едко высмеял тесто-

вые «исследования», «педологическую корреляцию» педологов и работу педологического кабинета.

Одной из посетительниц коммуны имени Дзержинского постановка воспитания очень понравилась. «Почему, однако, у вас нет педолога?» спросила она. «Потому, что фокусники и шарманщики на территорию коммуны не допускаются!», резко ответил Макаренко¹.

Из проблемы личности и общества и тесно связанных с этой проблемой социалистического гуманизма и оптимизма вытекает у Макаренко один из важнейших его принципов — «система перспективных линий».

Сам Антон Семенович следующими словами формулирует этот принцип:

«Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать эту самую радость, вызвать ее к жизни и поставить, как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга. Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе... Воспитать человека — значит воспитать в нем перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив и использовании уже имеющихся, в постепенной постановке более ценных»².

Мы видели уже в практической деятельности Макаренко в колонии имени Горького, перед ее переездом в Куряж, как, несмотря на прекрасное материальное состояние колонии, на большие достигнутые результаты, стала ощущаться и у колонистов и у Антона Семеновича внутренняя неудовлетворенность. Антон Семенович поставил перед коллективом новую, более ценную перспективную линию:

¹ Факт, сообщенный автору Г. С. Макаренко.

² А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 448—449. Изд. 5-е. 1940 г.

пожертвовав достигнутым хозяйственным благополучием, воспитать двести восемьдесят беспризорных ребят, прозябавших в куряжской колонии. Задача была трудная, рискованная, но именно этим она захватила воспитанников Макаренко и его самого.

«Система перспективных линий», правильно осуществленная педагогом, поддерживает в коллективе воспитанников бодрое, радостное настроение, повышает их работоспособность, укрепляет веру детей в свои силы, дает выход их творчеству, приучает детей к достижению намеченных целей.

«Система перспективных линий» — это особая форма планирования личных путей каждого отдельного человека и коллектива в их движении и развитии и, следовательно, логически вытекает из правильно понятой, глубоко продуманной проблемы личности и общества.

VI. ВОСПИТАНИЕ В КОЛЛЕКТИВЕ

«Задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста».

(А. С. Макаренко, Некоторые педагогические выводы из моего опыта.)

«Перед коллективом всегда, буквально на каждом шагу, должны стоять образы нашей борьбы, он всегда должен чувствовать впереди себя коммунистическую партию, ведущую его к подлинному счастью».

(А. С. Макаренко, Цель воспитания.)

В своих взглядах на коллектив как основу и средство воспитания Макаренко следовал установкам классиков марксизма-ленинизма об общественном воспитании и коммунистической морали. Марксизм учит нас, говорит А. С. Макаренко, что нельзя рассматривать личность вне общества, вне коллектива.

Воспитывать в коллективе, через коллектив и для коллектива — таково важнейшее требование педагогической системы Макаренко, в свете которого он рассматривает

все остальные вопросы: трудовое воспитание, развитие чувства долга, дисциплину, семейное воспитание и др. «Советская семья должна быть только коллективом. Теряя признаки коллектива, семья теряет большую часть своего значения, как организации воспитания и счастья», говорит Макаренко¹.

Вопрос о коллективе, как педагогическая проблема, мог быть поставлен во всю ширь и правильно разрешен только в советской педагогике.

Проблеме воспитания коллективизма много внимания уделяла в своих педагогических работах Н. К. Крупская, крупнейший советский педагог. Коллективизм, по словам Надежды Константиновны, это первое необходимейшее качество, которое должно быть развиваемо у детей, начиная с раннего детства, в процессе коммунистического воспитания. В противовес буржуазному индивидуализму, эгоизму, когда каждый соблюдал только свои личные интересы, каждый человек подчиняет эти интересы общественному благу, становится более могучим, осуществляя принцип: «Все за одного, один за всех».

Какой бы вопрос воспитания ни рассматривала Н. К. Крупская, она подходила к его разрешению прежде всего с точки зрения коллективизма.

Детские сады важны прежде всего потому, что в них дети дошкольного возраста воспитываются, как члены дружного, спаянного коллектива. Эстетическое воспитание, значение искусства и его влияние на человека Н. К. Крупская также рассматривает прежде всего с точки зрения тех связей, совместных сильных переживаний, какие создаются у многих людей под влиянием произведений искусства. Анализируя причину религиозности многих людей, Надежда Константиновна указывает, что нередко эта религиозность возникала на почве беспомощности одинокого человека, поисков какой-то силы, на которую можно было бы положиться. Не видя поддержки в действительном мире при старом общественном строе со стороны людей, слабый, одинокий человек нередко создавал себе призрачную силу в виде божества.

В «Письмах к пионерам», в статье «Воспитание молодежи в ленинском духе» Н. К. Крупская горячо призывает

¹ А. С. Макаренко, Книга для родителей, стр. 88. 1937 г.

молодежь быть коммунистами в подлинном смысле слова, общественное дело ставить выше всего. В годы борьбы за коллективизацию сельского хозяйства она особенно подчеркивает необходимость воспитания коллективизма, которое должно переделать сознание миллионов бывших мелких единоличных хозяев.

А. С. Макаренко подробно разработал вопрос о воспитании в коллективе, о педагогическом и социальном значении коллектива как в своей практической деятельности, так и в теоретических работах.

В статье «Проблемы школьного воспитания» он намечает отдельные главы методики коллективного воспитания, среди которых: «Коллектив и его организация», «Общее движение коллектива и его законы», «Эстетика коллектива», «Связь коллектива с другими коллективами», «Преемственность поколений в коллективе», «Коллектив педагогов и их центр».

Под коллективом Макаренко понимает не случайное скопление людей, но объединение их для достижения общих целей в общем труде с определенной системой полномочий, ответственности, с соотношением отдельных его частей и их взаимозависимостью.

В неизданной работе 1932 года «Опыт методики работы детской трудовой колонии», определяя характерные признаки коллектива, А. С. Макаренко указывает, что «только социальная совокупность, построенная по социалистическому принципу, может быть названа коллективом». Мы говорим «коллектив Харьковского тракторного завода», но никогда не скажем «коллектив завода Форда».

По отношению к каждой отдельной личности, пока она добровольно состоит членом коллектива, последний требует беспрекословного подчинения, так как он обладает правом суверенитета по отношению к каждому из своих членов. Право распоряжения коллектив признает только по уполномочию, данному коллективом или союзом коллективов. Возможен коллектив только при условии, если он объединяет людей для деятельности, полезной для всего общества. В процессе воспитания мы рассматриваем воспитанника не как материал для дрессировки, но считаем его членом нашего общества, активным его деятелем. Это не только собрание молодежи, но прежде всего ячейка социалистического общества.

Одним из важнейших законов коллектива Макаренко

считает законом движения коллектива: «Не может быть допущена остановка в жизни коллектива». Этот закон теснейшим образом связан с системой перспективных линий. Если коллектив достиг поставленных целей, а новых перспектив себе не поставил, движение коллектива останавливается, наступает самоуспокоение, нет больших стремлений, воодушевляющих участников коллектива, нет у него будущего.

Воздействовать на отдельную личность сильнее всего можно, действуя на коллектив, членом которого является данная личность. Это положение Макаренко называл «принципом параллельного воздействия». Он совершенно правильно считал, что в «Советском Союзе не может быть личности вне коллектива, и поэтому не может быть личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива». В каждом воспитаннике надо развить сознание его зависимости от общественного мнения и сознание его ответственности перед коллективом.

Идеальным положением, к которому надо стремиться в воспитании, является такое, когда интересы коллектива и интересы личности вполне совпадают. Однако возможны отдельные конфликты между ними. В таких случаях, говорит Макаренко, «предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца, и только в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности»¹.

Первая, главнейшая задача педагога — создать крепкий, сознательный коллектив. В этой задаче коллектив выступает как объект воспитательных усилий педагога. Когда такой коллектив, или, по крайней мере, для начала ядро, актив, создан, этот коллектив, продолжая, конечно, оставаться объектом воспитания со стороны педагога, является в то же время субъектом воспитания для каждого из своих отдельных членов, осуществляющим большую воспитательную работу совместно с педагогом и под его руководством.

Точность команды (воздействия), умение подчиняться, ответственность — таковы три основных правила воспитательной работы в коллективе.

Воспитание в коллективе и через коллектив не исклю-

¹ А. С. Макаренко, Дисциплина, режим, наказания и поощрения. «Учительская газета», 1941 г., № 3.

ожет «педагогики индивидуального воздействия». «Каждый человек неповторим», любит говорить Макаренко. Каждая отдельная личность своеобразна. Педагог и коллектив должны поэтому в своей работе учитывать личные особенности, характер каждого воспитанника, не допуская ни какого шаблона, готовых рецептов, трафарета. В этих воздействиях огромную роль играет система перспективных линий, авторитет педагога, традиции, режим, упражнение, закалка, поощрения и наказания. В воспитательной практике А. С. Макаренко бывали случаи, когда он не сообщал даже о проступке отдельного воспитанника коллективу. В каждом конкретном случае педагог применяет принцип параллельного действия или индивидуального действия, руководствуясь педагогическим тактом.

Большое искусство педагога заключается в том, чтобы сочетать свое руководство с большими реальными правами коллектива. Для этого он должен направить коллектив таким образом, чтобы воля педагога и воля коллектива были едиными.

Одним из важных, необходимых признаков коллектива Макаренко считает соотношение частей коллектива и их взаимозависимость. Развивая эту мысль, Макаренко в 1938 году указывал, что нередко у нас дети и педагоги замыкаются только в свой класс.

«Наша школьная сеть, которой вправе гордиться страна, — писал он, — представляет собою в педагогическом секторе распыленную массу одиночек-учителей, а в ученическом — массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы, как единого коллектива, как целостного учреждения, не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед... Каждый ученик должен жить не только интересами своего маленького классного кружка, а должен воодушевляться общими школьными целями, переживать общие школьные радости... Только создав единый школьный коллектив, можно разбудить в детском сознании могучую силу общественного мнения, как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора»¹.

¹ А. С. Макаренко, Проблема воспитания в советской школе. «Правда», 1938 г., № 81.

В колонии имени Горького и в коммуне имени Дзержинского были отдельные маленькие коллективы (постоянные отряды, сводные отряды), но каждый из них, выполняя свои задачи, составлял лишь часть мощного, большого коллектива — всей колонии и коммуны.

В методике воспитания, намечая главы о коллективе, Антон Семенович предполагал дать особую главу: «Преемственность поколений в коллективе». Ранняя смерть помешала ему выполнить это намерение, но в своей практической деятельности и в многочисленных статьях Антон Семенович с достаточной ясностью раскрыл эту особенность воспитательного воздействия коллектива. В воспитательных учреждениях, созданных Макаренко, младшие дети приобщались к традициям коллектива, учились соблюдать его честь, выполнять общие задачи коллектива. Таким образом преемственность целей, традиций в коллективе с выходом из него «старой гвардии» не прерывалась. Эта черта — преемственность — настолько была ясно выражена в воспитательных учреждениях Макаренко, что о ней неоднократно говорят в своих отзывах, как о большом достижении, иностранцы — посетители коммуны имени Дзержинского.

Спаянный, дружный коллектив воспитанников можно создать лишь в том случае, если имеется коллектив педагогов, стоящий не рядом, не отдельно или параллельно коллективом учащихся, но как часть общешкольного коллектива: «Нормальная работа школы немыслима без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом»¹. Эта коллективная ответственность ни в какой мере, конечно, не снимает и не понижает единоличной ответственности руководителя всей школьного коллектива: директора, заведующего и руководителей мелких коллективов (в школе — классных руководителей), входящих в состав общего.

Сам Макаренко с огромным педагогическим тактом мастерством умел сочетать авторитет, реальные большие права коллектива с авторитетом руководителя, говоря полным правом, что в нужных случаях он умел быть даже диктатором.

¹ А. С. Макаренко, Проблема воспитания в советской школе «Правда», 1938 г., № 81.

Мысли А. С. Макаренко о коллективе, как воспитательном факторе, имеют большое значение для советской школы, пионерского движения и воспитания в семье.

VII. ВОСПИТАНИЕ В ТРУДЕ

«Правильное советское воспитание невозможно себе представить, как воспитание не трудовое. Труд всегда был основой для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов».

(А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей.)

Так же как и коллектив, основой воспитания в педагогической системе Макаренко является труд.

Связывая воспитание в труде с проблемой личности и общества и с социалистическим гуманизмом, Макаренко указывает, что только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное нравственное отношение к другим людям.

Выясняя значение трудового воспитания в семье, Макаренко выдвигает следующие пять пунктов:

1) Трудолюбие и способность к труду не даются человеку от природы, но воспитываются (в особенности в молодости). Трудовая подготовка — залог благосостояния человека, общественного и личного.

2) В противоположность старому обществу, где труд был принудительным и для подавляющего числа людей необходимым, чтобы не умереть с голоду, «в Советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идет на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду — особая задача воспитателя».

Такой творческий труд должен быть трудом радостным, сознательным, основной формой проявления личности и таланта.

В этом требовании — труд должен быть творческим, ра-

достным — Макаренко всецело следует известному ленинско-сталинскому взгляду на труд в социалистическом обществе, как на дело доблести и героизма, в противоположность труду в эксплуататорском обществе, где труд был бы тяжелым бременем.

3) Трудовое воспитание является важнейшим условием нравственного воспитания: «Совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу»¹.

4) Труд, давая физическое развитие, развивает человека (и это главное) в духовном отношении.

5) Труд, кроме его общественного значения, играет большую роль и в личной жизни человека, давая ему уверенность в своих силах, чувство большого удовлетворения и личного счастья.

В коммуне имени Дзержинского Макаренко на практике показал возможность соединения для детей старшего возраста производительного труда на высоко технически поставленном производстве с обучением в школе, дававшей полное среднее образование. Этим своим опытом Макаренко показал, что в образцово поставленном коллективе возможно прекрасное сочетание высокопроизводительной трудовой деятельности с полноценной учебной.

Макаренко учитывает, понятно, что далеко не везде могут быть такие условия труда, какие были в коммуне. Он ставит поэтому вопрос о трудовом воспитании, возможном в каждой школе и каждой семье в виде воспитания практически трудовых навыков. При этом он подчеркивает значение такого труда не только в смысле создания материальных ценностей, но и психолого-педагогическое значение такого трудового воспитания.

Очень ценны, глубоко продуманы некоторые методические указания по трудовому воспитанию, которые дает Макаренко родителям (они сохраняют свое значение не только в области семейного воспитания).

Трудовые задания должны быть рассчитаны не только на применение физического труда, но и на упражнение в разрешении организационных задач. Это сочетание трудо-

¹ А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей, стр. 70, 1940 г.

ниzego воспитания и развития организационных навыков пре-
бщрасно достигалось, как уже указано, в педагогической
ожрактике Макаренко путем трудовых отрядов, особенно
бывободных.

Давая трудовое задание, надо его продумать так, что-
бы детям был предоставлен некоторый простор в выборе
средств выполнения этого задания. Это будит интерес де-
тей к работе и их инициативу.

Желательно давать не разовые поручения, но длитель-
ные задания, рассчитанные на месяцы (и даже годы), с
тем чтобы мальчик или девочка длительное время несли
ответственность за порученную им работу (скажем, к при-
меру, поддержание чистоты в комнате, обработка грядки в
домашнем огороде и т. д.).

Нужно развить в детях внимательное отношение к нуж-
дам своего коллектива или семьи и при этом добиваться,
чтобы мальчик или девочка не ждали, пока им другие ука-
жут, что надо сделать, а сами замечали бы необходимость
той или другой работы и изъявляли готовность ее выпол-
нять. Развитие этой черты не только способствует воспи-
танию инициативы в детях, но и придает нравственный ха-
рактер их трудовой деятельности, развивает внимание, за-
ботливость к нуждам семьи или коллектива.

Воспитатели должны следить, чтобы трудовая деятель-
ность младших детей не делалась бы предметом эксплуата-
ции со стороны старших, как это иногда бывает в домаш-
нем быту. Трудовая деятельность детей должна быть по-
строена только на началах взаимопомощи. Насколько это
методическое указание Макаренко проникнуто гуманизмом
и нравственным духом, можно заключить, сравнив, напри-
мер, с этим гуманным подходом грубое тьюторство, сделав-
шееся традицией в некоторых старинных английских сред-
них школах (Итонской, Шефстбери и др.), где новички обя-
заны в качестве компенсации за покровительство чистить
старшему ученику, своему «тьютору», ботинки, быть у не-
го на побегушках и т. п.

В трудовой деятельности детей следует обратить внима-
ние на развитие умения ориентироваться, на планирование
работы, на бережное отношение к времени, материалам,
продукту труда своего и других людей, на качество ра-
боты.

70. Большое значение в смысле трудового воспитания имеет
также известное разнообразие работ, умение переключать-

ся с одной работы на другую и в то же время умение не полнять до конца какую-либо одну, хотя и наскучившую работу.

VIII. ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА ДОЛГА И ЧЕСТИ, ВОЛИ И ХАРАКТЕРА. ДИСЦИПЛИНА. МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Третьей основой педагогической системы Макаренко наряду с коллективом и трудом, является воспитание сознания и чувства долга.

Проблема долга была выдвинута в области воспитания Кантом в западноевропейской педагогике, Ушинским — русской педагогике. Тяжел труд жизни, и к этому труд нужно готовиться уже в детстве, говорит Ушинский, требуя, чтобы ученье не превращалось в забаву. Некоторые педагоги полагали, что ученье надо всегда делать для ребенка легким, приятным. Ушинский же указывает, что ученье — дело серьезное и надо развить у детей серьезное отношение к своим обязанностям, сознание, что «делу — время, а потехе — час».

Представители «теории свободного воспитания» накануне и в первые годы Октябрьской революции выступали против принципа долга, как воспитательной проблемы. Сентиментально идеализируя ребенка, говоря о какой-то «сверхъестественной природе» ребенка, о каких-то идеальных врожденных свойствах его, они считали, что нельзя класть основу воспитания идею долга, так как это будто бы противоречит свободе ребенка, развитию его творческих сил и т. п. Макаренко с первых же шагов своей педагогической работы восстал против этой идеализации детей «Маниловыми от педагогики» и выдвинул проблему долга, как одну из главных принципов воспитательной работы.

Говоря о системе перспективных линий, Антон Семенович указывает, что перспективы должны расширяться от примитивных, имеющих в виду удовлетворение ближайших материальных нужд, до «глубочайшего чувства долга». Это долг каждой отдельной личности по отношению к своему коллективу и далее — перед родиной, перед всем народом.

Говоря, «чем больше уважения к человеку, тем больше требований к нему», выдвигая принцип требовательной любви к детям, Макаренко сочетает свой глубокий гуманизм с идеей долга и разрешает вопрос о долге не в туманно-идеалистической трактовке, как это делал, например, Кант, исходя из понятия «автономной доброй воли», «внутреннего долга» и т. п. Руководящим принципом у Макаренко и здесь, как и в других вопросах, является проблема личности и общества при социалистическом строе.

«Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказа, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека умения воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовольствие только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме того, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, своего участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение, умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Не по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность»¹. Так исчерпывающе формулировал А. С. Макаренко проблему долга.

В противоположность буржуазным теориям долга, которые (как, например, теория Канта) противопоставляли личность и общество, общественный долг и личный интерес, свободу и необходимость, Макаренко выдвигает понятие социалистического долга, утверждая, что личность и общество при социализме не противостоят друг другу.

В статье «О личности и обществе» А. С. Макаренко указывает, что эта проблема не могла быть разрешена в буржуазном обществе, несмотря на усилия многих замеча-

¹ А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей, стр. 40—41. 1940 г.

тельных умов решить этот вопрос. Придумывались поэтому различные теории: любви к ближнему и любви ко всему человечеству, непротivления злу, сверхчеловека и т. д. Все эти теории были обманом или же заблуждением великих умов, искавших выхода из тупика старого мира. Эта проблема впервые за всю историю человечества нашла положительное решение в нашей стране.

«Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «человек» — такими словами кончается эта статья Макаренко.

Идея долга в педагогической системе Макаренко не противостоит идее правильно понятого личного интереса. То и другое представляет единство, так как личность в нашем понимании не существует вне общества, так как свобода — это осознанная необходимость. Самое высокое личное удовлетворение, величайшее счастье заключается в сознании, что ты своей личной деятельностью принес максимальную пользу обществу.

Великая Отечественная война, великие подвиги Красной Армии, таких патриотов, как Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, героически отдавших свою жизнь за родину, самоотверженная работа миллионов советских людей в тылу, обеспечивающая успехи Красной Армии в борьбе с врагом, красноречиво говорят нам, как важна идея долга, как необходимо положить ее в основу воспитания молодого поколения.

С этой идеей долга в системе Макаренко тесно связано воспитание чувства чести. Он умел развивать чувство чести в каждом из своих воспитанников, чувство чести своего коллектива, своей колонии или коммуны.

С большой иронией в «Педагогической поэме» изображает Макаренко нападки на него представителей «педагогического Олимпа» во время обсуждения в Ученом совете Наркомпроса УССР его воспитательной системы в 1928 году. Один из кабинетных «теоретиков» громил систему Макаренко:

«С глубокой печалью и удивлением услышали мы сегодня от уважаемого руководителя двух образцовых уч-

реждений призыв к воспитанию чувства чести. Мы не можем не заявить протест против этого призыва. Советская общественность также присоединяет свой голос к науке, она также не примиряется с возвращением этого понятия...»¹ Так горе-теоретики клеветали на советскую педагогику и на советскую общественность.

Удивляющая мир борьба нашей Красной Армии против фашистских захватчиков ярко говорит нам, как важно воспитание чувства чести у нашей молодежи. О поддержании чести своей школы, своего класса говорят «Правила для учащихся» советской школы.

В статье «Воля, мужество, целеустремленность», написанной в марте 1939 года, Макаренко писал: «Советская воля отличается от воли в буржуазном обществе. Там воля необходима человеку для подавления другого человека, там целеустремленность направлена к лучшему куску общественного пирога. Коммунистическую волю, коммунистическое мужество, коммунистическую целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Организация коллектива, организация требований к человеку, организация реальных, живых целевых устремлений человека вместе с коллективом — вот что должно составлять содержание воспитательной работы».

Человек полон творческих сил и больших возможностей, но реализовать эти возможности, приложить эти силы он сможет лишь в том случае, если у него будут воспитаны воля и характер.

Говоря о целеустремленности, Макаренко имеет в виду, понятно, не сентиментальные беспочвенные маниловские мечты, не романтические грезы о призрачном прекрасном, куда влечет разочарованных настоящим мечтателей, но большевистскую целеустремленность — умение ставить большие, но жизненные, реальные цели и, работая над собой и над окружающими, настойчиво и радостно добиваться осуществления этих целей.

Макаренко остро критиковал неправильный подход нашей школы к задаче воспитания характера. «Даже и то внимание, которое уделяется этой воспитательной работе, —

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 553. Изд. 5-е. 1940 г.

говорит он, — направлено неправильно. Оно сосредоточено лишь на дезорганизаторах. Это, конечно, необходимо, но этим задача далеко не исчерпывается: такие характеры, как тихони и исусики, накопители, приспособленцы, шляпы, разини, мечтатели, проходят мимо ее воспитательных забот. А на самом деле именно эти характеры вырастают в людей вредоносных».

Эта мысль Макаренко замечательна. Не тихонький, пассивный мальчик-паинька, которого не видно и не слышно в школе, который и в жизни, по выходе из школы, не дает ничего яркого, творческого, идеал Макаренко, но активный, с твердой волей, дисциплинированный член коллектива, подлинный представитель молодой гвардии, смелой, активной, жизнедеятельной.

В тесной связи с изложенными выше мыслями Макаренко стоит в его системе вопрос о сознательной дисциплине.

Следуя марксистско-ленинскому учению, Макаренко внес в педагогику новое понимание дисциплины. В педагогической науке буржуазных стран и до сих пор еще господствует гербартянское понимание дисциплины, только как средства, с помощью которого устанавливается порядок, необходимый для воспитания и обучения. Гербарт определяет управление (дисциплинирование), как подавление дикой резвости, ломку еще не установившейся воли ребенка. В противовес Гербарту педагоги-реформаторы конца XIX и начала XX века выдвинули идеализацию ребенка, маниловское любованье детьми, анархическую «теорию свободного воспитания», как голое отрицание какой бы то ни было дисциплины (кроме «дисциплины естественных последствий»).

Макаренко правильно считает, что дисциплина — это не средство, но результат воспитания. Этим он подчеркивает, что воспитание дисциплины требует от педагога больших усилий.

В противовес ограниченному пониманию дисциплины, только как средства наведения порядка (как ее понимал Гербарт), Макаренко выдвигает глубокое и содержательное ее понимание, как дисциплины борьбы и преодоления, тесно связывая вопрос о дисциплине с воспитанием воли и мужества: «У наших школьников иногда бывает еще дисциплина порядка, но не бывает дисциплины борьбы и преодоления», говорит Макаренко в своей последней

статье «Воля, мужество, целеустремленность» (март 1939 года).

Это значит, что дисциплина заключается не только в порядке, точности, аккуратности, послушании, выполнении правил и требований, но и в борьбе за более высокое качество, в преодолении трудностей, в настойчивом достижении поставленных целей.

«Дисциплина нужна нашей стране потому, что у нас мировая героическая работа, потому, что мы окружены врагами; нам придется драться, обязательно придется. Мы должны выйти закаленными людьми, которые знают, как нужно дорожить дисциплиной», писал Антон Семенович в 1932 году в неизданном романе «ФД-1».

Характерно, что целый ряд мыслителей и педагогов прошлого времени (например Кант) определяли дисциплину, как нечто отрицательное, в том смысле, что она регламентировала, чего не надо делать: «не шали»; «не ленись», «не опаздывай» и т. д. Понимаемая так дисциплина, конечно, приобрела какой-то пассивный характер. У Макаренко она, наоборот, имеет характер активный. В его системе дисциплина не столько останавливает, сколько мобилизует и самого дисциплинируемого и всех окружающих на борьбу за более высокие результаты.

Наиболее дисциплинированным рабочим на производстве является не тот, кто, никогда не опаздывая, не давая брака, работает точно, выполняет положенную норму и т. д. (все это необходимо, конечно), но рабочий-стахановец, творчески относящийся к труду и сумевший так наладить свою работу, что при высоком качестве продукции дает две-три нормы. К дисциплине высокой организованности, к преодолению косности, старинки, обыденщины, вялости, посредственности, к проявлению инициативы и творчества зовет Макаренко.

Большое значение при воспитании дисциплины он придает умению переносить временные лишения, бороться с трудностями. В колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского был лозунг: «Не пицать!», тесно связанный с макаренковским оптимизмом.

«В советском обществе, — говорит он, — дисциплинированным человеком мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и

найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности»¹. Таким образом, и вопрос о дисциплине Макаренко разрешает, руководствуясь своим исходным положением — проблемой личности и общества в социалистическом строе.

Хорошим средством воспитания дисциплины является режим, но это понятие надо правильно усвоить и умело использовать.

Макаренко отрицательно относился ко всякому шаблону, рецептуре. В частности, он прямо указывал, что нельзя рекомендовать всем родителям какой-нибудь один режим. «Режимов есть много, и нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке», говорил он. Можно лишь установить определенные принципы требования, которым должен отвечать режим. Это — целеустремленность, определенность (точность) и обязательность режима.

Мер воздействия на детей Антон Семенович указывает много: общественное мнение, авторитет и личный пример, распоряжение, убеждение и разъяснение, традиции, режим, поощрение, наказание.

Из них в условиях коллектива особое значение имеет общественное мнение. «Контроль общественного мнения большого авторитетного и любимого школьного коллектива, — писал Макаренко, — закаляет характер ученика, воспитывает волю, прививает общественно-полезные навыки личного поведения, гордость за школу и за себя, как члена этого славного содружества»².

В колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского, где был сильный, авторитетный коллектив, вызов провинившегося «на середину» на общем собрании для разбора его проступка был одной из сильнейших мер воздействия.

В семейном и школьном режиме главнейшим средством воздействия является распоряжение. Оно должно отдаваться спокойно, твердо, быть разумным, посильным для воспитанника, не противоречить другому распоряжению.

¹ А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей, стр. 41. 1940 г.

² А. С. Макаренко, Проблема воспитания в советской школе. «Правда» от 23 марта 1938 г., № 81.

Это распоряжение должно быть выполнено неукоснительно. За выполнением его родитель или педагог обязан проследить незаметно для детей, а иногда даже открыто.

В то время когда многие педагоги, находившиеся под влиянием «теории свободного воспитания», категорически отвергали применимость в советском воспитании наказаний, Макаренко с характерной для него смелостью педагогической мысли заявил, что они необходимы. «Я не понимаю воспитания без наказания», говорил он. В колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского он применял целую систему наказаний, несмотря на протесты и насмешки со стороны представителей «педагогического Олимпа».

С большим юмором и тонкой иронией изображает Антон Семенович отношение тогдашних педагогов к вопросу о наказаниях:

«Стоит заговорить о наказании, как у слушателей дыбом встают волосы, холодеет кровь! В лучшем случае соглашаются с тем, что наказание уместно в школе, но тут же наговарят столько примечаний, что в сущности все остается попрежнему: наказывать нужно в исключительных случаях, 99 процентов учеников наказывать нельзя, настолько они хороши»¹.

Макаренко решительно протестует против ходячей фразы: «наказание воспитывает рабов». Наоборот, безнаказанность воспитывает безвольного человека, хулигана. Он отмечает большую разницу между наказанием в старой школе, где оно только углубляло конфликт между учениками и учителем, и наказанием в нашей системе воспитания, где наказание должно быть построено на принципе: чем больше уважения к человеку, тем больше требований к нему и на новых социалистических взаимоотношениях личности и общества.

Наказанию должны предшествовать меры нерепрессивного характера: беседа наедине, беседа в присутствии товарищей, требование объяснений на общем собрании. Наказание не должно причинять провинившемуся физического или нравственного страдания или оскорблять ученика.

¹ А. С. Макаренко, Воспитание характера в школе. «Правда» от 28 марта и 7 мая 1938 г.

Как известно, жизнь доказала правильность взглядов А. С. Макаренко. Теперь этот вопрос уж не является дискуссионным. Наказания — необходимая мера в процессе воспитания.

Антон Семенович умел определять и налагать наказания с большим педагогическим тактом и психологическим учетом их эффективности. Эти наказания всегда воспринимались провинившимся, как нечто безусловно заслуженное, и действительно давали желаемый результат.

Наказание имеет целью исправление ошибок, служит искуплением вины, направлено на формирование воли воспитанника, на защиту интересов коллектива от произвола и своеволия отдельных его членов.

Считая наказания неизбежными, пока существуют еще конфликты между отдельными личностями и обществом, Макаренко, однако, отнюдь не делал наказания главным средством установления дисциплины. Он советует прибегать к наказанию редко. Наибольшего эффекта наказание достигает тогда, когда создан крепкий, сплоченный коллектив, высоко поддерживающий свою честь и непримиримо относящийся к проступкам своих членов, порочащих эту честь.

Поощрение и одобрение Макаренко рекомендует, как меру, стимулирующую дальнейшие усилия воспитанника, поднимающую его веру в собственные силы. Формами поощрения служили: похвала педагога, уважение товарищей, заявление на собрании о хорошем поступке, оказание доверия со стороны всего коллектива путем выбора в ответственные органы, объявление благодарности в приказе и т. п. Так же как и наказания, поощрения должны быть достаточно редкими и хорошо взвешенными, соответствовать достижениям воспитанника.

Макаренко психологически тонко умел учесть выбор и других мер воздействия в каждом конкретном случае. В неопубликованной статье «Цели воспитания» он говорит: «В зависимости от обстоятельств, времени, особенностей личности и коллектива, таланта и подготовки исполнителей, от ближайшей цели, от только что исчерпанной конъюнктуры диапазон применения того или иного средства может увеличиваться до степени полной общности или уменьшаться до положения полного отрицания».

В иных случаях Макаренко подходил постепенно к

борьбе только с некоторыми отрицательными чертами колонистов, оставляя до поры до времени как бы незамеченными другие недостатки.

В других случаях он предпочитал применять (как он называл) «метод взрыва»: быстрое, решительное действие, своего рода психологический натиск.

Так, «метод взрыва» Макаренко применил при «завоевании Куряжа». Этот же «метод взрыва» он однажды применил в коммуне имени Дзержинского, когда сразу была принята группа в пятьдесят беспризорников, только что задержанных в поездах, на крышах вагонов и т. п. Коммунары встретили их парадом на вокзальной площади. В коммуну «новенькие» проследовали в колонне стройных, чисто одетых коммунаров, застенчиво-беспомощно придерживая лохмотья своих «клифтов» (пиджаков).

Вдумайтесь поглубже в этот марш толпы беспризорных через весь город между стройными рядами коммунаров, и вы убедитесь, что еще до прихода на территорию коммуны у этих беспризорников произошел сильный перелом, не оставивший места бахвальству, озорству, агрессивным выходкам по отношению к коммунарам и их руководителю. Довести беспризорника, только что снятого с крыши вагона, до чувства застенчивости очень нелегко.

Их остановили возле бани, которая в ожидании «новоселов» была заблаговременно натоплена. Дело было летом, и прибывшим предложили тут же во дворе раздеться догола, сбросить их «клифты».

«Дома, после бани и стрижки, одетые в форменное платье, румяные, смущенные до глубины своей юной души и общим вниманием и увлекательной придирчивостью дисциплины, новенькие подверглись еще одному взрыву. На асфальтовой площадке, среди цветников, были сложены в большой куче их «костюмы для путешествий». Политое из бутылки керосином, «барахло» это горело буйным, дымным костром, а потом пришел Миша Гонтарь с венком и ведром и начисто смел жирный, мохнатый пепел, подмаргивая хитро ближайшему новенькому:

— Вся твоя автобиография сгорела!

Старые колонисты хохотали над Мишиным неповоротливым остроумием, а новенькие оглядывались виновато: было уже неловко.

После этой огневой церемонии начались будни, в которых было все, что угодно, но почти не было преслову-

той перековки: новенькие не затрудняли ни коллектив, ни Захарова»¹.

Это сожжение одежды беспризорников — «огневая церемония» — было для новоприбывших символом: со старой жизнью навсегда покончено.

Символике, как методу воздействия, Антон Семенович в жизни детского коллектива придавал большое значение: золотые и серебряные вензеля на рукавах, знамя, салют, сигналы горниста, рапорты и т. д. играли большую дисциплинирующую роль в его воспитательных учреждениях.

IX. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННИЗАЦИИ. ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

«Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота».

(А. С. Макаренко, Педагогическая поэма.)

Физическому воспитанию в педагогической системе Макаренко уделено много внимания.

Безукоризненная чистота, прогулки и туризм, игры и спорт, гимнастика, труд, военный строй — таковы разнообразные средства физического воспитания, применявшиеся в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского.

В ряду этих мероприятий Антон Семенович особенно отмечает военный строй. Военно-строевые занятия подготовляли будущих защитников социалистической родины, способствовали дисциплинированию колонистов, их физической культуре и эстетическому воспитанию.

Исчезла былая расхлябанность, движения юношей и девушек стали более четкими, фигуры стройнее, походка увереннее. Во внешнем облике, во всем быту, работе и отдыхе стала заметна подтянутость, какая-то внутренняя дисциплинированность; даже речь стала более содержательной и экономной.

Стройные ряды колонистов, одетых в простую, изящ-

¹ А. С. Макаренко, Флаги на башнях, стр. 137. 1940 г.

ную форму, с оркестром и знаменем довольно привлека-
ли взоры во время демонстраций. (Выработалась привыч-
ка разумного подчинения приказанию командиров от-
рядов.

Придавая большое значение военизации, Макаренко в
то же время подчеркивал, что она не должна быть копи-
рованием Красной Армии. Он пишет, говоря о ценных
сторонах военизации:

«Особенно я ценю традиции военизации... Но я все-
таки хочу вас предупредить, что это не должно быть
повторением закона военной части. Ни в коем случае не
должно быть простого подражания... Но в военном быту,
особенно в быту Красной Армии, есть много красивого,
увлекающего людей, и на своем опыте я все больше и
больше убеждался в полезности военизации... Эта тради-
ция военизации украшает коллектив, она создает для кол-
лектива внешний каркас, в котором красиво можно жить
и который поэтому надо привлекать... Должна быть эстети-
ка военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем
случае не простое копирование. Что касается военной под-
готовки, то она идет, не вполне совпадая с этой воениза-
цией. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и воен-
ное дело. А эта военизация есть эстетика, и в детском об-
ществе она совершенно необходима, в особенности она хо-
роша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет
от неразборчивых, неладных движений, от разбалтывания
движений, от разбросанности их»¹.

В воспитательных учреждениях Макаренко было много
элементов военизации, и в то же время не было изли-
шеств. В этом сказывался большой педагогический
такт Антона Семеновича, глубокое понимание им детской
психики. Так, он никогда не прибегал к излишествам мар-
шировки и строя на прогулках в пределах коммуны, при
отправлении коммунаров на работу в мастерские, при сборе
их в столовую.

Макаренко пишет: «Я являюсь противником того, чем
увлекаются некоторые молодые педагоги, например, по-
стоянным маршем: в столовую идут — маршируют, на ра-
боту идут — маршируют, всегда маршируют. Это некраси-
во и не нужно»².

¹ А. С. Макаренко, Методы воспитания. «Советская педаго-
гика», 1943 г., № 5—6.

² А. С. Макаренко, Там же.

Мы видели, что элементы военизации вводились Антоном Семеновичем как организующие, дисциплинирующие формы и главным образом как средство эстетического воспитания.

Естественно поэтому при анализе его педагогической системы перейти теперь к вопросу об эстетическом воспитании в целом. Мысли и опыт Макаренко в этой области имеют большое значение и потому, что в наших школах эстетическое воспитание далеко еще не в почете.

В человеке Макаренко, как педагог-художник, больше всего ценит силу и красоту (физическую и нравственную). Эстетическое воспитание Макаренко связывает со всеми другими сторонами воспитания: умственным, нравственным, физическим, понимает его очень широко. Не только пение музыка, литература, театр, кино и картинные галереи, но и красота одежды, речи и движений, красота быта, труда и отдыха.

Чистота, опрятность и покрой одежды, четкость, целеустремленность и изящная простота движений, элементы военизации и символика, хор и оркестр, театр, кино и клубная работа, чтение художественной литературы, обилие цветов — таковы средства, совокупностью которых достигалось в воспитательных учреждениях Макаренко эстетическое воспитание.

Антон Семенович очень ценил художественную простоту, естественность, чувство меры. Он не выносил грубости, расхлябанности, рисовки, в чем бы они ни проявлялись: в работе, в движениях, разговоре, поступках.

Эстетическое воспитание Макаренко советует начинать в самом раннем детстве: мелодичная колыбельная песня, сказки, игры, книжки с художественно выполненными картинками — первые средства эстетического воспитания детей. Позже — кино, театр, художественная литература, картинные галереи и отмеченные выше другие разнообразные формы и средства.

Х. ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГА

Всею своею прекрасною жизнью, примером всею своею воспитательной деятельности А. С. Макаренко показал, каким должен быть педагог.

В своих художественно-педагогических произведениях и теоретических статьях он часто говорит о значении и авторитете педагога и о требованиях к нему.

Педагог должен обладать большой культурой и знаниями. Воспитывая новых людей, он должен сам быть образцом нового человека — гражданина социалистического общества, человеком высокой коммунистической ответственности.

С бичующей иронией, с негодованием рисует Макаренко в «Педагогической поэме» типы мещан и шкурников Дерюченко и Родимчика, которых надо изгонять из среды педагогов.

В противовес им. Макаренко указывает ряд качеств, которыми должен обладать педагог:

«То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе — вот что увлекает ребят в наибольшей степени, — пишет Макаренко. — Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они все на вашей стороне... И наоборот, как бы вы ни были ласковы, занимательны в разговоре, добры и приветливы, как бы вы ни были симпатичны в быту и отдыхе, если ваше дело сопровождается неудачами и провалами, если на каждом шагу видно, что вы своего дела не знаете, если все у вас оканчивается браком или «пшиком», никогда ничего вы не заслужите, кроме презрения, иногда снисходительного и иронического, иногда гневного и уничтожающе-враждебного, иногда назойливо шельмующего»¹.

Социалистический гуманизм — глубокое уважение к трудящемуся человеку, жизнерадостность, бодрость, боль-

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 180. Изд. 5-е, 1940 г.

шая требовательная любовь к детям, энергия, настойчивость и выносливость — необходимые качества педагога.

Трудна работа педагога, но если она ведется правильно, она дает такое ощущение счастья, такое внутреннее удовлетворение, с которым ничто не может сравниться.

«Как ни трудно было мне, — говорит Антон Семенович в конце «Педагогической поэмы», — как ни туманно впереди, моя жизнь в это время была счастливой жизнью. Нельзя описать совершенно исключительное впечатление счастья, которое испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печальна, даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями»¹.

Педагог должен обладать большим педагогическим мастерством. Это качество предполагает прежде всего тонкое психологическое и педагогическое чутье, дающее возможность воспитателю глубоко изучать своих воспитанников.

Необходимым признаком педагогического мастерства является сила ориентировки. Это качество предохранит педагога от трафарета, позволит в каждом отдельном случае быстро отыскать нужное средство и правильный подход к воспитаннику. Бесконечно разнообразны характеры детей, отдельные педагогические положения — случаи, в которых педагогу надо быстро ориентироваться и найти наиболее целесообразное решение: необычайно разнообразны средства воздействия на детей и тонкие оттенки этих воздействий. А. С. Макаренко указывает, что необходимо хорошо учитывать чувства и настроения детей. В одной из своих работ он замечает, что стал настоящим мастером воспитания лишь тогда, когда научился говорить фразу «иди сюда» с пятнадцатью-двадцатью разными интонациями.

Очень сложны взаимоотношения отдельного воспитанника и всего коллектива; отдельного воспитанника с отдельными же членами этого коллектива; педагога и воспитанника; всей окружающей природной и общественной среды и воспитанника. Сам воспитанник к тому же — это непрерывно растущий, меняющийся человек. Возрастные и половые его особенности, различие характеров детей,

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 543. Изд. 5-е. 1940 г.

влияние воспитательных воздействий, влияние товарищей — все это создает чрезвычайно сложную педагогическую ситуацию, в которой педагогу надо разобраться тонко, чутко и быстро, реагировать решительно и авторитетно.

Макаренко считал невозможным в процессе воспитания экспериментировать сомнительными с точки зрения педагога средствами. Воспитание — слишком ответственный процесс, жизнь и развитие детей — слишком большая ценность, чтобы можно было вести воспитание методом «проб и ошибок». Дети — не кролики. Тот или иной метод и прием педагог вправе применить только тогда, когда путем наблюдения над детьми, использования своей эрудиции и глубокого осмысливания он пришел к убеждению в целесообразности этого метода или приема.

Вместе с тем, однако, в воспитательной работе педагог должен проявлять творчество. Неоднократно Макаренко говорит о педагогическом риске. Возражая педагогам, считающим недопустимым педагогический риск, Макаренко, ссылаясь на свой богатый опыт и его результаты, говорит: педагог имеет право на риск, как и всякий другой творческий работник, так как отказаться от риска — значит отказаться от творчества.

Может показаться противоречием: с одной стороны — признание недопустимости педагогического экспериментирования, с другой — провозглашение права на педагогический риск. Могут подумать: ведь вся деятельность Макаренко в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского была большим длительным экспериментом (Горький так и называл эту деятельность).

В действительности никакого противоречия здесь нет: педагог, по мысли Макаренко, не имеет права экспериментировать, если он внутренне не убежден, что поступать надо именно так, не уверен в правильности намеченных им путей, идет «на-авось». Но если он твердо убежден (не умозрительно, а на основании своих знаний, наблюдений, выводов из всего своего опыта), что выбранный им путь целесообразен, то как бы этот путь ни расходился с общепринятыми, нередко рутинными методами и приемами, педагог имеет право рисковать, идя этим новым путем.

Богатейшие результаты педагогической деятельности самого Макаренко на практике доказали целесообразность этого права на риск. Примеров такого риска особенно много в «Педагогической поэме». Наиболее ярким приме-

ром является «завоевание Куряжа», когда подвергалась смелому риску вся колония имени Горького, все шестилетние достижения, вся репутация Антона Семеновича. Малейшая неудача в Куряже была бы торжеством для его противников. И тем не менее А. С. Макаренко, глубоко уверенный в правильности своей системы, проявил большую смелость и решительность.

Необходимым качеством педагога, без которого не может быть подлинного мастерства, является педагогический такт.

Сам Антон Семенович умел проявлять во всех своих воздействиях на воспитанников изумительный такт, в основе которого лежали его умение наблюдать, знание каждого воспитанника, его социалистический гуманизм, сила ориентировки, педагогическое творчество, определенная система глубоко продуманных теоретических положений. Только при большом педагогическом такте можно было так мастерски сочетать военизацию и отсутствие какой бы то ни было муштры, высокий авторитет педагога и большие права коллектива воспитанников, большую требовательность к детям и огромную любовь к ним.

Прочтите «Педагогическую поэму» и «Флаги на башнях» еще раз, вдумайтесь в те разнообразные приемы, к которым Антон Семенович прибегает в каждом отдельном случае: все они — свидетельство замечательного педагогического такта.

Работа педагога должна отличаться определенным стилем, совокупностью выдержанных в определенном направлении, основанных на определенных принципах форм, методов и приемов.

Нет стиля в воспитательной работе того педагога или родителя, который, не имея принципов или не умея применить их на практике, мечется от приемов «свободного воспитания» к авторитарной педагогике, предоставляет развитие детей самотеку, бросается от запугивания детей к слащавому заласкиванию. «Область стиля и тона всегда игнорировалась педагогической «теорией», а между тем это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания», говорит Макаренко. В создании стиля педагогической работы большую роль играет накопление традиций.

Решающим, главным качеством педагога является его авторитет. Он создается всеми теми личными качествами,

о которых мы говорили выше: коммунистическим мировоззрением и поведением воспитателя, его знаниями и умениями, высокой культурой, нравственной чистотой, социалистическим гуманизмом, энергией и работоспособностью, твердостью характера, требовательной любовью к детям и всеми теми качествами, которые определяют его педагогическое мастерство.

В нужных случаях педагог, как говорил Макаренко, должен быть даже диктатором, и вместе с тем он должен создавать крепкий, сплоченный коллектив, воодушевленный теми же стремлениями, что и сам педагог. Этот коллектив является тем приводным ремнем, через который воля воспитателя осуществляется по отношению ко всем воспитанникам. «Пока не создан коллектив и органы коллектива, пока нет традиций и не воспитаны первичные трудовые и бытовые навыки, воспитатель имеет право и не должен отказываться от принуждения»¹.

В дальнейшем, когда такой коллектив создан, воздействие педагога на детей прямым обращением, по мнению Макаренко, должно применяться в редких случаях. Педагог должен мобилизовать группу старших и влиятельных товарищей — организовать, в качестве ближайших своих помощников, актив коллектива, а в дальнейшем при помощи этого актива — и весь коллектив.

В неопубликованных статьях Макаренко подробно перечисляет формы общения педагога с воспитанниками. Сюда он относит: участие в работе коллектива воспитанников, участие в производственных совещаниях коллектива, общение с воспитанниками в беседе и игре, совместные с детьми прогулки и экскурсии, участие в кружках, участие в выпуске стенгазеты, вечера совместного чтения, присутствие на классных занятиях (которые ведет другой педагог), помощь в подготовке уроков, участие в подготовке праздников, участие в купанье, в лыжных пробегах и т. д.

Эта жизнь педагога совместно с детьми сближает, роднит их, дает возможность наблюдать детей во всех их проявлениях. Видя педагога всегда в своей среде, дети незаметно непрерывно находятся под его воздействием. Педагог постоянно служит для детей образцом для подра-

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 129. Изд. 5-е. 1940 г.

жания. Крепнут связи педагога и детей, растет их взаимная привязанность.

В тех же статьях А. С. Макаренко рекомендует педагогам обязательно вести дневник их работы, в котором записывать все наблюдения над детьми, все случаи, характеризующие отдельных воспитанников, беседы их между собой и беседы педагога с ними; записывать движение воспитанника вперед, внимательно анализировать явления кризиса или перелома, которые бывают у воспитанников.

ХІ. СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вопросы семейного воспитания Макаренко подробно осветил в своей «Книге для родителей» и «Лекциях о воспитании детей». Он был одним из первых у нас педагогов, остро поставивших этот вопрос и привлечших к нему внимание исследовательских педагогических учреждений и учительства.

«Книга для родителей» вышла в 1937 году и вызвала многочисленные отклики педагогов и сотни писем родителей. В 1938—1941 годах был проведен ряд педагогических конференций, посвященных этому вопросу, выпущено два сборника статей на тему «Семья и школа». Серию интересных книг и брошюр, посвященных отдельным вопросам семейного воспитания, выпустил Ленинградский институт усовершенствования учителей.

Особенно интересно поставил Макаренко вопросы о семье, как коллективе, и о родительском авторитете.

В основном то, что Макаренко говорит о воспитании в коллективе, через коллектив и для коллектива (с соответствующими изменениями, поскольку семья — это особый коллектив), относится и к воспитанию в семье.

Определяя общие условия семейного воспитания, А. С. Макаренко выдвигает понятие «полной семьи», как воспитательного коллектива, то есть такой семьи, где отец и мать живут дружно, где царствует любовь и взаимное уважение, где имеется несколько детей разного возраста. Он подчеркивает ответственность родителей перед родиной за воспитание детей; выдвигает роль личного примера родителей.

В семье должен существовать налаженный, четкий режим. Родители должны проявлять к детям требовательную любовь. Всякое потворство детям, удовлетворение всех их желаний развивает эгоизм, черствость, барство и лень. В «Книге для родителей» приведено много примеров неправильного семейного воспитания.

Придавая большое значение авторитету родителей и развивая критику ложных понятий авторитета, данную еще в 60-х годах XIX века Н. А. Добролюбовым в его статье «О значении авторитета в воспитании», А. С. Макаренко дает тонкий психологический анализ этих ложных авторитетов.

Некоторые родители проявляют авторитет подавления, когда ребенка бьют, ругают за каждый пустяк. В результате из забитых детей выходят впоследствии безвольные люди или самодуры. Иногда встречается авторитет расстояния: он заключается в том, что родители держатся от детей подальше, отчужденно, редко разговаривают с ними, не вмешиваются в их дела. Некоторые родители, считая себя очень заслуженными людьми, чванятся перед посторонними людьми и перед своими детьми, которые тоже начинают чваниться своими родителями («мой папа — писатель», «мой папа — генерал»). Встречается авторитет педантизма, когда родители держатся с детьми бюрократически, строят из себя непогрешимых людей и не изменяют своих неправильных распоряжений даже в случае их явной нелепости из боязни подорвать свой авторитет. Часто наблюдается авторитет резонерства — бесконечные наставления и поучения, заедающие детскую жизнь.

Наряду с перечисленными видами ложного авторитета, в основе которых лежит неправильно понятый родителями принцип проявления власти, наблюдается и другая группа ложных авторитетов: доброты, когда родители стараются быть с детьми очень добренькими, уступчивыми; любви, когда детей заласкивают, бесконечно лобзают; дружбы, конечно, неправильной, когда родители становятся «на равную ногу» с детьми, а дети называют отца Петькой или Ванькой, поучают родителей и т. д. Часто встречается самый безнравственный вид ложного авторитета — авторитет подкупа, когда послушание покупается подарками и обещаниями.

В противовес этим видам ложного авторитета истинный авторитет должен быть основан на четкой, трудолюбивой

жизни родителей, на поведении их, как советских граждан, на знании жизни ребенка, помощи ему, на требовательной любви к детям.

Макаренко подробно останавливается в своей теории семейного воспитания на вопросах дисциплины и труда. Ребенку необходимы упражнения в труде, в организационных навыках, в культурном поведении, спокойная, ровная обстановка, четкий семейный режим, хороший пример старших членов семьи.

Заканчивая «Книгу для родителей», Макаренко правильно указывает:

«Каждая семья отличается своеобразием жизни и жизненных условий, каждая семья должна самостоятельно решать многие педагогические задачи, пользуясь для этого отнюдь не готовыми, взятыми со стороны рецептами, а исключительно системой общих принципов советской жизни и коммунистической морали».

ХII. ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО А. С. МАКАРЕНКО И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Перед нами раскрываются широкие политические перспективы, далеко, впрочем, не мирные и далеко не безоблачные. Впереди у нас не только победы, но и борьба. Для этих побед и для этой борьбы воспитываются люди, они растут в нашей семье и в нашей школе».

(А. С. Макаренко.)

А. С. Макаренко не дожил до наших дней — дней героической борьбы нашего народа с фашистами, дней сокрушительных ударов, которые наносит немецким захватчикам наша славная Красная Армия под мудрым, умелым руководством товарища Сталина.

К этой борьбе, к победам на фронте, к упорной творческой работе в тылу готовил молодежь Антон Семёнович Макаренко.

Он писал: «Величественные пространства СССР окружены мраком фашистской злобы и первыми вспышками войны. Новое истребление человечества среди бела дня готовится

вокруг нас. Невиданное в истории мира совершилось... Вырос на равнинах некогда нищей и отсталой России сны-ющий великий социализм. Он создан героической борьбой замечательного поколения людей, гением их руководителей — Ленина и Сталина. И если вспыхнет война, наш гражданин под знаменем гуманизма спокойно свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в истории».

Сотни выращенных Антоном Семеновичем новых людей сражаются сейчас против фашистских варваров. Среди них есть Герои Советского Союза (Михаил Бондаренко), капитан Андрей Рубан, трижды награжденный орденами, представлен к званию Героя Советского Союза. Один из любимейших учеников Антона Семеновича С. А. Жалабалин (изображенный в «Педагогической поэме» под именем Семена Карабанова), которого Макаренко призвал быть продолжателем своего дела по руководству трудовыми колониями бывших правонарушителей и беспризорников, добровольно отправился на фронт, награжден орденом Отечественной войны. Шесть раз награжден летчик капитан Каплуновский.

Когда на одном из вечеров, посвященных памяти Макаренко, студенты спросили С. А. Жалабалина, за что он получил орден Отечественной войны, он кратко ответил: «За родину, за Антона Семеновича».

А. С. Макаренко учил и выучил три тысячи воспитанников быть страстными борцами за родину, предупреждал, что на нее будут покушения, учил быть беспощадными к врагам. В заключительных словах «Флагов на башнях» Макаренко устами Игоря Черныгина говорил по адресу врагов партии и народа:

«Они не знают, гады, они не знают, что мы уже привыкли быть людьми, настоящими людьми; рабочей скотиной мы быть теперь не сумеем... И не простим, и не пощадим, уничтожим каждого, кто станет на нашей дороге».

Макаренко горячо любил свою родину, гордился ее успехами всю свою жизнь, талант и энергию отдал борьбе за её счастье, и воспитал подлинных советских патриотов.

В статье, посвященной Сталинской Конституции, он писал, что подлинное счастье открылось только в нашей стране социализма.

«Я завидую, — писал Макаренко в той же статье, — бу-

душим людям, я завидую даже тому школьнику, который в каком-нибудь 2436 году будет читать первые страницы учебника истории, где будет написано: «История человечества делится на две части: до Сталинской Конституции и после Сталинской Конституции. Я завидую этому школьнику, потому что его детские глаза лучше моих увидят настоящее величие наших дней: для того школьника десятки поколений ученых, сотни светлых умов освобожденного человечества раскроют и назовут самые глубокие правды».

Воспитание чувства долга, чести, мужества, воли, дисциплины, о которых так много говорил Макаренко в своих произведениях и которые он так мастерски умел воспитывать, в нашей современной жизни получило огромное значение.

Меры воздействия на воспитанников, которые он применял, в частности авторитет и пример педагога, общественное мнение коллектива, четкий режим, поощрение и наказание, стали сейчас бесспорными воспитательными мерами.

Требовательная любовь к детям, сталинский гуманизм, страстная любовь к профессии педагога, замечательное педагогическое мастерство и богатое педагогическое творчество являются качествами, которым наш советский педагог должен учиться у Макаренко.

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. МАКАРЕНКО

(По материалам комиссии Союза советских писателей по охране литературного наследия и увековечению памяти А. С. Макаренко)

I. Отдельные издания

1. Марш тридцатого года. ГИХЛ, М., 1932.
2. Педагогическая поэма. Гослитиздат, М., 1935. Повторные издания, 1937, «Советский писатель». М., 1940.
3. Мажор. Пьеса (под псевдонимом А. Гальченко). Гослитиздат, М., 1935.
4. Книга для родителей. Госполитиздат, М., 1937.
5. Честь. Роман. Гослитиздат, М., 1938.
6. Флаги на башнях. Гослитиздат, М., 1939.
7. Лекции о воспитании детей. Учпедгиз, М., 1940.

II. Рассказы

8. Случай в походе. «Колхозные ребята», 1937, № 10.
9. Гриша. «Смена», 1937, № 9—10.
10. В семье Веткиных. «Лит. газета», 1937, № 39.
11. Доктор. «Медицинский работник», 1938, 29/XI.
12. Симфония Шуберта, «Смена», 1938, № 5.
13. Премия. «Молодой колхозник», 1938, № 5.
14. Незабываемая встреча. «Дружные ребята», 1938, № 6.
15. Домой хочу. «Дружные ребята», 1939, № 3.
16. Новые годы. «Московский комсомолец», 1941, № 1.

III. Статьи

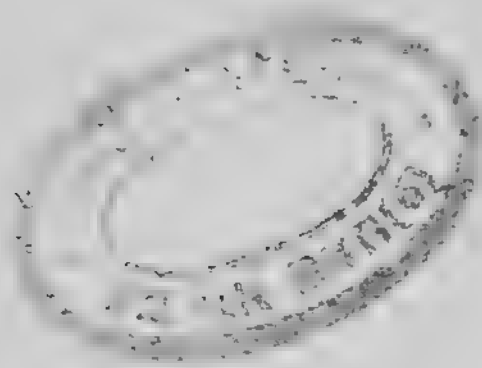
17. Максим Горький в моей жизни. Альманах. Год XIX. 1936, № 10.
18. О личности и обществе. Газ. «Известия», 1936, 5/XII.
19. «Чудо», созданное советской жизнью. «Лит. газета», 1936, 1/VIII.

20. Письмо в совет жен писателей. «Лит. газета», 1936, № 44.
21. Прекрасный памятник. Газ. «Правда», 1936, № 198.
22. Радость нашей жизни (очерк). Газ. «Правда», 1937, № 238.
23. За дорогое будущее, к которому ведет Сталин. «Лит. газета», 1937, № 58.
24. Выборное право трудящихся. «Красная новь», 1937, № 12.
25. Цель воспитания. Газ. «Известия», 1937, № 201.
26. Мальчик из Уржума (рецензия). «Лит. газета», 1937, № 15.
27. Наше знамя. Газ. «Известия», 1937, № 246.
28. На пороге третьего десятилетия. Газ. «За коммунистическое просвещение», 1937, № 127.
29. «Чапаев». Д. Фурманова (рецензия). «Литературный критик», 1937, № 10.
30. О человеческих чувствах (очерк). Газ. «Красная звезда», 1937, № 190.
31. Случай из прошлого (очерк). Газ. «Ленинградская правда», 1937, № 197.
32. Прасковья Никитична Пичугина. «Октябрь», 1937, № 12.
33. Счастье. Газ. «Известия», 1937, № 260.
34. Важный вопрос. «Лит. газета», 1937, № 3.
35. Рассказы о простой жизни. «Лит. газета», 1937, № 45.
36. Писатели — активные деятели советской демократии. «Лит. газета», 1937, № 13.
37. Несколько часов на канале (впечатления). «Лит. газета», 1937, № 23.
38. Вредная повесть. «Лит. газета», 1937, № 38.
39. Детство и литература. Газ. «Правда», 1937, № 188.
40. Сила советского гуманизма. «Лит. газета», 1937, № 41.
41. Героическая борьба. «Лит. газета», 1937, № 21.
42. Закономерная неудача. «Лит. газета», 1937, № 43.
43. В эти дни... (к завоеванию Северного полюса советской экспедицией). «Лит. газета», 1937, № 28.
44. Товарищеская лаборатория. «Лит. газета», 1937, № 22.
45. Я буду голосовать за товарищей Булганина и Гудова. Газ. «Вечерняя Москва», 1937, № 213.
46. Больше коллективности (стенограмма выступления на общемосковском собрании писателей). «Октябрь», 1937, № 5.
47. О темах для писателей. «Книга и пролетарская революция», 1937, № 9.
48. «Важный вопрос». Право автора. «Лит. газета», 1937, № 3.
49. Происшествие в звезде (о романе «Возвращение»). Газ. «Правда», 1937, № 179.
50. Новая жизнь. Газ. «Правда», 1937, № 286.
51. Беседа с начинающими писателями. «Лит. учеба», 1938, № 10.
52. В поисках героя (рецензия на книгу критических статей А. Гурвич). Газ. «Известия», 1938, № 202.
53. Советские летчицы. «Лит. газета», 1938, № 56.

54. Проблема воспитания в советской школе. Газ. «Правда», 1938, № 81.
55. Силь детской литературы. «Детская литература», 1938, № 17.
56. Разговор с читателем (автор о «Книге для родителей»). «Книга и пролетарская революция», 1938, № 4.
57. Писатели — подписчики нового займа. «Лит. газета», 1938, № 37.
58. Против шаблона. «Литературный критик», 1938, № 5.
59. Воспитание характера в школе. Газ. «Правда», 1938, 28/III.
60. Памяти А. М. Горького. «Лит. газета», 1938, № 18.
61. В Союзе советских писателей. «Лит. газета», 1938, № 42.
62. Пьеса о детях. «Лит. газета», 1938, № 13.
63. Записки педагога (о книге Семушкина «Чукотка»). «Лит. газета», 1939, № 5.
64. Литература и общество. «Лит. газета», 1939, № 7.
65. Великая награда. «Дружные ребята», 1939, № 3.
66. Открытое письмо тов. Ф. Левину. «Лит. газета», 1939, № 23.
67. Некоторые педагогические выводы из моего опыта. «Учительская газета», 1940, №№ 159 и 160.
68. Преподаватель словесности. «Лит. газета», 1940, № 18.
69. Воспитание детей в школе и семье. «Учительская газета», 1940, № 164.
70. Дисциплина, режим, наказание и поощрение. «Учительская газета», 1941, №№ 3 и 4.
71. Педагогика индивидуального действия. «Учительская газета», 1941, №№ 6 и 8.
72. Отношения, стиль и тон в коллективе. «Учительская газета», 1941, № 16.
73. Отрывок из неизданного романа «Пути поколения». «Лит. газета», 1941, № 14.
74. Методы воспитания. «Советская педагогика», 1943, № 5—6.
75. Отрывки из романа «ФД-1». «Советская педагогика», 1944, № 5—6.
76. Семья и воспитание детей. «Учительская газета», 1944, № 14.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. Годы учения и начало педагогической работы	11
II. Трудовая колония имени Горького	17
III. Коммуна имени Дзержинского	33
IV. Макаренко - писатель. Последние годы жизни	41
V. Исходные положения педагогической системы Макаренко	49
VI. Воспитание в коллективе	59
VII. Воспитание в труде	65
VIII. Воспитание чувства долга и чести, воли и характера. Дисциплина. Меры воздействия	68
IX. Физическое воспитание. Элементы военизации. Эстетическое воспитание	78
X. Проблема педагога	81
XI. Семейное воспитание	86
XII. Педагогическое наследство А. С. Макаренко и современность	88
Библиография произведений А. С. Макаренко	91

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Обложка и титул художника

Н. Хмелевской

Ответ. редактор А. Протопопова
Подписано к печати 13/IX 1944 г.
6 печ. л. (5,7 уч.-изд. л.) 38 000
зн. в печ. л. А11451. Тир 25 000.
Зак. 1017. Цена 3 руб.

Ф-ка юношеской книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса,
д. 46.

Item 2 p. 1

Цена 3 руб.